

ВЛАДИМИР КОРОБОВ
(ХУАН ВАЛЬЕХО КОРДЕС)

ДИКАЯ РОЗА

СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Владимир Коробов
(Хуан Вальехо Кордес)

Дикая Роза

«Издательские решения»

Коробов (Хуан Вальехо Кордес) В. И.

Дикая Роза / В. И. Коробов (Хуан Вальехо Кордес) —
«Издательские решения»,

Оригинальное продолжение популярного в 90-е годы мексиканского сериала «Дикая Роза». Детективный роман о бурной страсти и насыщенной жизни. Роза Линарес уже давно богатая сеньора, которая мечтает о карьере эстрадной певицы. Но при этом все та же дикарка. Роза засунула в рот два пальца и оглушительно свистнула. У редактора Похидеса от удивления вытянулась физиономия и сам собою открылся рот. Открылся, но не закрылся: перестав свистеть, Роза стала бросать в журналиста всё, что было на столе...

© Коробов (Хуан Вальехо
Кордес) В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	29
Глава шестая	35
Глава седьмая	41
Глава восьмая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дикая Роза
Семь лет спустя
Владимир Иванович Коробов
(Хуан Вальехо Кордес)

*Какое бы ни было небо высокое
Какое бы ни было море глубокое,
Мое к тебе чувство прекрасное,
Любовь изумительно страстная —
Всегда с тобой!*
Из старого пуэрториканского болеро

© Владимир Иванович Коробов (Хуан Вальехо Кордес), 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

В последние дни у Рикардо Линареса была бессонница. Процветающий первые годы после свадьбы его бизнес вдруг начал давать сбои и никак невозможно было понять, что же в налаженном механизме проржавело, что крутит пустые обороты и не приносит дохода. Естественное беспокойство Рикардо нарастало, ширилось и вот постепенно превратилось в бессонницу: бесполезно закрывать глаза до трех-четырёх утра – все равно не заснешь, только измучаешься. Ни снотворное не помогало, ни виски, ни долгое плавание в бассейне перед поздним ужином. Рикардо решил смириться с этим недомоганием и нарочно засиживался в домашнем кабинете подольше. Листал деловые бумаги, курил, что-то записывал, подсчитывал, но зачастую сидел в кресле без всякого занятия, уставясь в экран телевизора «Панасоник» с выключенным звуком.

Нет, даже самому себе не хотел он признаваться в том, что причина его тягучего беспокойства, затяжного волнения, не дающего уснуть, вовсе не бизнес, не аритмия в курсе акций и не тахикардия на бирже ценных бумаг – в конце концов, все это бывало и будет еще не раз. Причина бессонницы была – он сам, Рикардо Линарес, двадцатисемилетний счастливчик, вытянувший у жизни пять лет назад самый выигрышный билет – Розу Гарсиа Монтеро. Никогда он не забудет, что женился на ней поначалу гражданским браком лишь из своего рода прихоти, назло семье, сестрам Дульсине и Кандиде, столь вызывающе и унижительно опекавшим его. «Вот, дорогие мои родственники, вы хотите женить меня на хищной богачке Леонелле Вильярреаль, которую я едва терпеть могу, так получайте же в невестки почти первую встречу, дикую девчонку из самых низов общества, невоспитанную и нищую!...»

Рикардо считал этот мезальянс почти подвигом для себя, благородной жертвой и ожидал встретить в ответ со стороны Розы горячее обожание и беспрекословное повиновение. Но она каким-то невероятным образом сумела остаться самой собой и войдя в его дом. Страстная, без остатка, любовь к нему (этого Рикардо не мог не почувствовать с самого начала) ничуть не убавляла в ней жизненной дерзости, неумения в отстаивании того, что ей представлялось правдой и справедливостью. Он-то думал, что Роза станет его робкой, верной тенью, навсегда благодарной мужу за то, что он поднял ее из житейской грязи и поставил на социальной лестнице на много ступеней вперед. Не без гордости ощущал себя тогда Рикардо опытным ювелиром, заметившим неограненный крупный алмаз в пыли под ногами, поднявшим этот алмаз, и вот теперь смиренно обрабатывающим его в своем доме до невиданного еще в свете бриллианта.

Правда, ему не хватило тогда терпения, да и не понимал он еще, что сестры, особенно Дульсина, да и Леонелла, конечно же, не оставят его в покое, им этот поспешный брак, что кость в горле. Быстро же они поняли, насколько Рикардо ревнив, насколько Роза неопытна и порывиста, умело и изобретательно играли на их чувствах и почти привели их супружество к разрыву. Слава Деве Гваделупе, как говорит Роза, вмешалась сама судьба и уберегла их от окончательного драматического решения.

Все закончилось самым чудесным образом, они соединились уже навсегда и не жалкими гражданскими узами, а настоящим венчанием в кафедральном соборе. Но уже и тогда в потаенном уголке души вместе с невероятным счастьем Рикардо ощущал толику горечи и тревоги. Одно дело, когда твоя молодая жена-красавица все-таки уступает тебе по положению и богатству и, пускай не на словах, не внешне, но все-таки должна сознавать, что ты подарил ей гораздо больше, чем самого себя. Но Роза-то оказалась даже не Золушкой. Мало того, что когда ее разыскала мать Паулетта, полностью и юридически признала свою дочь, то Роза сразу же стала одной из самых богатых наследниц Мехико, во всяком случае гораздо богаче Рикардо. Но и это можно было бы стерпеть, когда бы лицензиат Роблес не разорил их семью полностью, так, что

к моменту торжественного бракосочетания у Рикардо почти ничего своего уже не было. Даже родовой дом Линаресов был выкуплен у законной жены Роблеса за круглую сумму Паулеттой Монтеро и записан на имя Розы. Розе была завещана фамильная усадьба Монтеро в Куэрнавাকে, подарено к свадьбе, помимо кругленького счета в банке, огромное число акций «Недвижимости Мендисанбаль» и других ценных бумаг, а также земли в нескольких провинциях. Именно Роза дала Рикардо несколько миллионов песо для начала фирмы «РиРоЛи» («Рикардо и Рохелио Линаресы»), той самой, которая сейчас начала испытывать затруднения.

Но не само по себе положение это смущало Рикардо, ведь в конце концов Роза ничем не походила на тех богатых наследниц-задавак, на которых вынужденно женились некоторые его товарищи по университету, женились и терпели покровительственное к себе отношение, вечное напоминание о том, откуда у них появились деньги и связи. Нет, его Роза ни словом, ни намеком не унижала его мужскую имущественную гордость. Она, казалось, вообще не придавала всему этому никакого значения. Но сам-то Рикардо! Разве мог он ей теперь что-либо возразить по поводу траты денег? А ведь ему было, было, что сказать.

Еще на первых курсах университета Рикардо сблизился с либеральными кругами профессуры и студенчества, читал «левую» литературу и всей душой был против социального неравенства в обществе, почитал и уважал даже самых радикальных революционеров. Но все же, как и большинство выходцев из мексиканской аристократии, в самом своем либерализме и свободомыслии он всегда находился в некоторых рамках, молчаливо и подспудно всеми признаваемых. Народ надо и необходимо просвещать, надо и необходимо бороться с нищетой и неравенством, надо делиться, заниматься милосердием и благотворительностью, но... Но не во вред же самому себе?!

А что же его любимая жена? Он мог бы и готов был понять, что Роза, после стольких лет бедности и нужды, бросится в иную крайность – роскоши и приобретательства. Рикардо даже всячески поощрял первоначальный ее интерес к нарядам и «красивой» жизни. Но все это продолжалось очень недолго, равно как и Розины уроки по этикету и правилам светского поведения. Едва научившись прилично и со вкусом одеваться, правильно вести себя за столом, употреблять нужные столовые приборы, непринужденно поддерживать светскую беседу, принимать гостей и т.п.. Роза тут же обо всем этом как бы позабыла и бросила все силы своей горячей души, всю свою неумную энергию на совсем другую жизнь и занятия. Вместо того, чтобы прочнее войти в среду столичных аристократов, постоянно ходить в гости и принимать гостей, занимать день и вечер болтовней и изысканными развлечениями, Роза, презрев условности, стала посещать различные образовательные курсы, читать с утра до вечера, смотреть учебные фильмы и скоро добилась таких успехов, что практически на равных стала разговаривать на любые темы не только со светскими бездельниками, но и университетскими друзьями Рикардо. И не только разговаривать, но и спорить. Помнится, его сначала позабавило, что Роза несколько вечеров подряд не отпускала от себя и что-то горячо доказывала Хосе Мигелю Фернандесу, известному историку Мексики, международному авторитету в этих вопросах. Каково же было удивление Рикардо, когда прощаясь с ним однажды, Фернандес с благоговением в голосе сказал: «Какой ты счастливеец, Рикардо! Мало того, что у тебя самая красивая в Мехико жена, она еще и редкостная умница: ни одна из моих ученых аспиранток с ней не сравнится...» И это Хосе Фернандес, который сроду не умел говорить пустые комплименты и вообще, казалось, женщин не замечал, с молодых ногтей жил одной своей наукой!

Вот тогда Рикардо и забеспокоился всерьез о своем будущем с Розой. Сделал вид, что очень утомился, устал, налаживая бизнес фирмы «Рироли», и уговорил жену поехать отдохнуть в Акапулько на целый месяц. Сказочные то были дни и ночи в сентябре, даже получше, чем их медовый месяц! Жили сначала в фешенебельном «Хилтоне», потом в чудесном «Принцесс», в солидном «Холидей Ини», очаровательном «Марриот». В каждом отеле – ровно неделю, как в новом доме со своими особенностями и дарами, со своими пляжами, саунами, теннисными

кортами, со своим неповторимым рестораном и кухней, эстрадными номерами и оркестрами. Рикардо всегда по праву гордился личными спортивными успехами и тем, что круглый год находился в прекрасной физической форме. А на этом курорте были все условия для занятий любым видом спорта. Сначала его радовало, что Роза устремляется следом за ним не только в бассейн и на пляж (плавала она и дома), но и на корт, и на минифутбольную площадку – всюду ему было что продемонстрировать. Но каково же было его изумление, когда всего лишь через неделю Роза стала достойным его партнером и на теннисном корте и по минифутболу. Он только посмеялся в первые дни, когда Роза стала на водные лыжи и сколько скользила на них, столько то и дело падала, окунаясь в соленую воду с головой. Но вот однажды рано утром, не застав жену в постели рядом с собой, он отправился на пристань и изумился: по ярко-синим водам бухты в Акапулько не скользила, а летела по волнам стройная фигурка в оранжево-пестром купальнике его жены. И опять-таки: сколько там было знатоков и любителей водных лыж, дожидавшихся своей очереди прицепиться к катеру, все дружно восхищались Розой...

А до чего были прекрасны, щедры теплые ночи в Акапулько! Роза как будто чувствовала, что это будут не просто сладостные объятия и настояла на своем: никакого для него виски, никакого джина, только один бокал легкого красного вина в день. И каждый вечер, как у юноши ожидающего решительного свидания, трепетало сердце Рикардо. А его Роза, его милая принцесса, сбрасывала вместе с одеждой весь лоск молодой богатой дамы и снова превращалась в очаровательного чертенка, в дикарку, ничуть не стыдящуюся естественных и горячих человеческих страстей. Билась на ее груди золотой медальон с изображением Святой Девы, еще громче билось сердце Рикардо и до утра шептал ему любимый голос: «Ох, да как же с тобой хорошо, сладкий мой перчик...»

Там, в Акапулько, и были зачаты их очаровательные, смешные двойняшки Мигель и Мария – воистину дети любви. (И это было не просто счастье, это было чудо: после того, как в свое время злобная Леонелла Вильярреаль сбила своей машиной беременную Розу, случилось непоправимое – выкидыш, и врачи не гарантировали, что Роза станет матерью).

Рикардо торжествовал. Уж теперь-то Роза займет в его доме самое достойное, но именно свое место – матери, воспитательницы детей, хранительницы семейного очага Линаресов. К этому, вроде бы, все и шло. Роза вся сосредоточилась на будущем: ела как советовали пособия и врачи, много гуляла в саду, слушала классическую музыку, смотрела веселые комедии и трогательные мелодрамы, подбирала детскую одежду, подыскивала няню и детскую служанку, много беседовала со своей матерью Паулеттой и своей дорогой Маниной – Томасой, вырастившей ее, и обязательно каждую неделю посещала близкий ей с детства алтарь Девы Гваделупе и горячо молилась... А за месяц до родов отчудила невозможное для либерального Рикардо и самых свободолюбивых его друзей: купила огромный и очень дорогой земельный участок на окраине Мехико, где стоял целый поселок «парашютистов» – так в Мексике называют тех, кто самовольно заселяет пустующие земли и ставит на них свои хижины. Поговаривали, что именно на этом участке власти предполагали снести все строения, а «парашютистов» выбросить на улицу с помощью полиции. Рикардо же Роза сказала тогда следующее: «Не думай, что я сошла с ума и не знаю цены деньгам. Но я дала обет Деве ради наших будущих детей. Я не хочу, чтобы этих бедных людей постигла та же судьба, что когда-то жителей родных мне Вилья-Руин. Пусть живут здесь столько, сколько захотят. А когда мы станем богаче, то построим для них на этой земле новые современные дома по проекту лучших архитекторов. И люди будут жить здесь за самую низкую в Мехико квартирную плату. Клянусь нашими будущими детьми!»

Рикардо промолчал тогда, но знает Бог, чего ему это стоило. Ведь многие даже близкие знакомые не одобрили такое «вложение» капитала, не говоря уж о просто знакомых из числа аристократии. Одни пожимали плечами, другие прикладывали палец к виску, а третьи ква-

лифицировали покушение на основы и предлагали отказать Линаресам от дома и светского общества.

Матерью Роза стала прекрасной. Молока у нее было много, хватило и Мигелю, и Марии. Детские врачи заходили ежедневно, а няня Долорес и служанка Мерседес справлялись со своими обязанностями выше всяких похвал и вскоре привязались к детям Розы и Рикардо, словно к собственным. Но ровно через год после рождения Мигеля и Марии Роза стала брать частные уроки вокала у очень знаменитой в тридцатые и сороковые годы исполнительницы народных песен с консерваторским образованием Мануэли Костильи де Домингэс.

Сначала Рикардо смотрел на эти занятия сквозь пальцы: пусть учится, если ей нравится – глядишь, иной раз споет перед гостями, аккомпанируя себе на фортепьяно или гитаре (параллельно Роза посещала музыкальную школу по классу этих инструментов). Но когда ему жена спустя год после начала занятий с Домингос объявила, что начинает карьеру эстрадной певицы. Рикардо взбеленился и даже попробовал запретить ей это. Но разве можно было что-то запретить «дикой Розе»?! Она топнула ножкой, всплеснула руками, покраснелась щеками и решительно заявила:

– Рикардо! Ты заканчивал Университет, ты культурный человек, а не кабальеро шестнадцатого века, весь состоящий из предрассудков! Да, я твоя жена, твоя верная спутница жизни, а ты – мой любимый. Но я не твоя вещь и не твоя собственность, дорогая игрушка, любимая кукла! Мне противна жизнь, какую ведут жены большинства людей твоего круга: это жизнь бездельниц! Бог дал мне немало дарований и все из них я хочу вернуть людям. Кроме того, я делаю это не только ради удовольствия и славы. Слава мне, если и нужна, то только ради карьеры, ради высоких гонораров, которые я потрачу потом на застройку жилья для моих «парашютистов»... Мигель и Мария от моих занятий не пострадают, я всегда найду время для них. Они вырастут и будут гордиться своей матерью. Во всяком случае я все для этого сделаю!..

Дебют Розы как певицы состоялся в кабачке «Твой реванш», где она некогда работала и где у нее оставались подруги. Рикардо, с одной стороны, очень опасался, что разношерстная, большей частью грубая публика из низов – завсегдатаев «Твоего реванша» освищет Розу и закидает ее тушеными помидорами, но, с другой стороны, как бы и хотел этого: боль провала отрезвит ее, покажет, что эстрада, да еще такая, для самой массовой аудитории, это – не для нее, матери двух детей, супруги аристократа и бизнесмена Рикардо Линареса. Но все вылилось в триумф Розы и настоящий народный праздник: в конце вечера под песни его жены плясали, подпевая, все: и посетители «Твоего реванша», и многочисленные прохожие вокруг кабачка, привлеченные несущейся из его открытых окон музыкой. Владелица заведения Сорайда на другой же день предложила Розе подписать достаточно выгодный для начинающей певицы контракт, но Роза на это, к удивлению и радости Рикардо, не согласилась.

Второй концерт состоялся уже для избранной публики, для музыкальных кругов, специально приглашенных в камерный зал при консерватории. И тут, уже к большому удовольствию Рикардо, успех был, хотя и не такой бурный, как в «Твоем реванше».

Рикардо хотелось, чтобы Роза, коль уж скоро ее отговорить от карьеры певицы невозможно, выступая бы именно для такой публики – образованной, изысканной, элитной. Он даже, ничего жене не объявляя заранее, стал по собственной инициативе организовывать концерт в одном из залов Университета, используя для этого старые знакомства и не жалея денег. Но этот концерт не состоялся, ибо Роза предпочла уехать на первые свои гастроли в сельскую провинцию – штат Халиско, а затем отправилась по городкам и поселкам Веракруса и Сакатекаса, где жители собирают половину всей фасоли и кукурузы Мексики. Едва вернулась оттуда и перевела дух, побыла с детьми, как снова отправилась в поездку в другие сельские районы – Нижнюю Калифорнию, Синалоа и Гуанахуато. И всюду ей рукоплескали, всюду приглашали приехать еще и еще.

После гастролей в провинции Роза записала пластинку-миньон и два клипа на «Телевиса». Но денег она заработала пока немного, что позволяло Рикардо надеяться, что гордая Роза в конце концов оставит это занятие. Сама же она, напротив, была уверена в обратном, а низкие гонорары объясняла либо нерасторопностью, либо жуликоватостью своего импресарио и в скором времени собиралась с ним расстаться...

Две недели тому назад Роза выехала на гастроли на этот раз в промышленные районы, в центры добычи нефти и газа вдоль побережья Мексиканского залива, в города Рейноса, Тампико, Поса-Рика, Минатитлан, Сьюдад-Пемекс. И каждый день чувствительный приемник Рикардо был настроен на волну местного радио, он жадно ловил каждое известие о гастролях жены, каждый раз явно радовался ее растущим успехам, а подсознательно, самому себе в том не признаваясь, огорчался ими.

Бизнес бизнесом, но тайные причины бессонницы были все-таки не с неудачами на деловом поприще связаны и не с недовольством тем, что жена его выбрала карьеру именно эстрадной певицы. Стыдно было и невозможно признаться даже самому себе в том, что Роза почувствовала совершенно правильно: он, Рикардо Линарес, в глубине души и есть тот старинный кабалеро, состоящий из предрассудков, тот полуиспанский-полуиндейский дворянин, для которого жена – лишь дорогая кукла, любимая вещь, уважаемая мать его детей, хранительница очага и прочее, вполне укладывающееся в традиционные рамки жизни их социального круга. Конечно, время внесло сюда свои коррективы, конечно, нравы и отношения стали гораздо свободнее, но все же жена есть жена, ее место дома.

Но было и еще одно – и самое главное! – в чем стыдился признаться самому себе и от чего не мог спать Рикардо Линарес: ревность! Пять лет тому назад он ревновал юную «дикарку» едва ли не к каждому телеграфному столбу, но он тогда еще мало знал и еще меньше понимал и чувствовал ее. Теперь, конечно, это была ревность иная, более избранная, что ли. Хотя порой возвращалась и та прежняя, неистовая подозрительность особого рода едва ли не к любому, кто смел открыто восхищаться его женой. Теперь же все это усугубилось тем, что Роза избрала себе публичную профессию. По ней скользят тысячи мужских взглядов, ее внимания домогаются сотни красавцев и богатеев и, как знать, не встретится ли среди них такой, кто привлечет к себе и ее внимание и интерес?..

Мука, горькая мука была в самой этой мысли, и нельзя было ее впускать в себя ни на минуту – этот яд отравлял даже лучшие воспоминания, сродни тем, об Акапулько. Тяжело вздохнув, Рикардо загасил сигару об хрустальную пепельницу, потушил массивную настольную лампу и вышел в рассветную мглу на балкон.

Он стоял наверху обычного частного дома так называемого французского стиля, популярного в начале века и вышедшего из моды в 20-х годах. Впрочем, строение больше походило на испанскую или итальянскую виллу с плоской крышей, с асимметричными каменными оштукатуренными стенами и входной лестницей, ведущей на высокий первый этаж, подальше от земляной сырости. Дом, родовое гнездо Линаресов, был огромен. Помимо множества комнат в этом доме были бильярдная в подвальном этаже, библиотека, богатый погреб, гимнастический зал, паровая баня, бассейн, маленький теннисный корт, и зачем-то целых шесть туалетов. И сад, прекрасный сад, ниспадавший террасами. В нем росли старинные деревья, был даже искусственный водопад. Сад – тенистый, влажный, ограждающий от жарких зорь долины и бережно хранящий по ночам все ароматы близкого утра.

Рикардо вздохнул всей грудью аромат хакаранды – мексиканской мимозы. Боже, как хорошо! Он посмотрел вверх деревьев, угадывая направление находящейся невдалеке громадной площади-чаши, где находится станция метро «Инсурхентес», это место беспорядочного стечения и пересечения проспектов и улиц – Инсурхентес, Чапультепек, Хенова, Амберес... Завтра, нет, уже сегодня утром с той стороны приедет домой Роза. Он встанет пораньше и встретит ее с букетом алых роз на крыльце. И все будет прекрасно.

Рикардо еще некоторое время постоял на балконе, прислушиваясь к тишине. И вдруг почему-то подумал, что дом его, как и весь центральный Мехико, стоит по преданию на том месте, где во времена ацтеков посреди озера Тескоко находился основанный индейцами древний город Тепочтитлан, разрушенный конквистадорами. Рикардо на минуту ошутимо представил себе исчезнувшее озеро, потом подумал, что ведь практически и сейчас весь их город и его дом покоятся на своего рода водной подушке. И вот его, столь бодрствующего минуту назад, необъяснимо потянуло в сон, как в водоворот: скорей, скорей! Он хотел позвонить и вызвать к себе мажордома Руфино, но потом передумал и сделал письменные распоряжения: разбудить его сразу же после звонка Розы из аэропорта, садовнику приготовить букет свежих красных роз. Вывесил послание снаружи двери своего кабинета и решил не идти в спальню, наскоро постелил простыню на старом кожаном диване, достал изнутри его подушку лег и провалился в сон.

Глава вторая

Рикардо Линарес проснулся сам от того, что вполне выспался. Он было обрадовался, что научился довольствоваться столь коротким отдыхом – ведь мажордом его должен был поднять не позже девяти утра, не взглянул на часы и разгневался: они показывали уже почти одиннадцать. Спешно набросив халат, Рикардо нетерпеливо нажал кнопку звонка. Улыбчивый пожилой Руфино возник на пороге тотчас.

– В чем дело, Руфино, почему вы не выполняете мои распоряжения?

– Сеньор лег так поздно, что...

– Вы что, забыли о своих обязанностях?

– Напротив, сеньор, я следую инструкции точно. А не разбудил вас потому, что так просила сеньора Роза.

– Что-о?! Так она уже приехала, негодник! Да ты понимаешь ли, что наделал? В таком случае я...

– Не извольте гневаться, сеньор. Сеньора домой еще не приехала, но один раз уже звонила. Очень подробно о вас расспрашивала и попросила меня пока не будить вас. У нее дела в городе, как только закончит их, сразу же позвонит... Завтрак вам сюда подавать?

Рикардо молчал, словно замороженный сообщением «у нее дела в городе». Какие такие могут быть дела после двухнедельного отсутствия? Что случилось? Руфино застыл перед ним столбом и терпеливо ждал ответа. Не дождавшись, решил повторить вопрос:

– Где будете сегодня завтракать, сеньор? В кабинете или столовой?

– Накройте столик у бассейна.

Десять-пятнадцать минут размашистым кролем без остановки, потом пять минут медленным брассом – это средство всегда помогало Рикардо если не успокоиться, то сосредоточиться. Но на этот раз тревога не отпускала его. Да, что-то все-таки случилось, иначе бы Роза давно уже была здесь. Может быть, попробовать что-то узнать. Но у кого? Позвонить Паулетте? Но вряд ли мать Розы знает больше него, да и напугать этот звонок может не слишком здоровую женщину. Увы, единственное, что остается – это ждать.

Растершись большим мохнатым полотенцем, Рикардо решил позавтракать не одеваясь специально, а прямо так, в халате. Да и есть ему в общем-то не хотелось, разве что чашку кофе маленькими глотками, и достаточно. Рядом с кофейником лежали по давней традиции две газеты – солидная «Ла пренса» и раскованная «Эль соль де Мехико». По студенческой привычке Рикардо раскрыл сначала полускандальную «Эль соль...» Все то же, все то же. Стоп! А это еще что такое? От неожиданности Рикардо поперхнулся и пролил почти полную чашку кофе на себя, но даже не почувствовал ожога.

Справа на третьей газетной странице была помещена большая фотография Розы с микрофоном в явно невыигрышном ракурсе, а слева огромными буквами шел заголовок: «Провинцию можно обмануть, а столицу – нет!» И далее некий музыкальный критик Сальвадор Мабарак камня на камне не оставлял от творчества Розы Гарсиа Монтеро.

Сам тон статьи был уничижительно небрежный, а выводы ее гласили: репертуар певицы невзыскателен, она апеллирует к низменным чувствам зрителей и слушателей; голос ее, хоть и своеобразен, но явно небогат и даже вульгарен; в Мехико бы ей не предоставили даже самого маленького приличного зала, разве что в грязном кабачке, где она, как говорят, и начинала; надо запретить подобным, с позволения сказать, артисткам выступать даже в глухой провинции, ибо формирование музыкальных вкусов нации вопрос слишком важный; впрочем, даже среди крестьян и нефтяников нашлись знатоки, которые выразили свое отношение к песням Розы Гарсиа Монтеро оглушительным свистом и тухлыми помидорами. Был в этой статье

и гнусный намек на неблагополучие личной жизни новоявленной певицы, на то, что она вертит, как хочет, своим мужем и вовсе не заботится о детях...

Рикардо сделался бледен и едва мог владеть собой. Он и раньше слышал и читал про волчьи нравы в шоу-бизнесе, но и представить себе не мог, чтобы лгали столь нагло, цинично и беззастенчиво. И ведь ни что не предвещало ничего подобного! Да, центральное телевидение и пресса немного доселе говорили о Розе, но по многочисленным радиоканалам отзывались о ней, крутили ее записи довольно часто и благосклонно. Сколько раз он сам слышал добрые слова о творчестве Розы по «Радио кадена пасьональ», «Радио програмас де Мехико», «Фоменто де радио СА-Мехико», «Радио 1000». И вот первая большая статья в газете и столь несправедливый, столь жестокий приговор! Да, это тяжелый удар и, наверное, конец только начавшейся карьеры певицы. Должно быть, Роза увидела эту газету в аэропорту и... Но что же значат «дела в городе»? Ведь наверняка она потрясена, огорчена до глубины души. Неужто она решилась на что-то непоправимое?! Ведь говорят, что так бывает после больших потрясений, человек становится как бы не в себе и готов совершить самые опрометчивые поступки... Так неужели?.. Нет, ему надо что-то немедленно делать, куда-то сию минуту ехать, искать Розу...

Рикардо бегом поднялся в дом, надел первый попавшийся костюм, направился было в гараж и остановился. В голове его не было никакого плана, ни малейшего проблеска: где же искать Розу? Наверное, она сейчас идет утешения. Но где и у кого? У матери? Вряд ли она станет тревожить больное сердце Паулетты. У Томасы? Но разве Манина способна утешить ее в таких переживаниях... Ах, скорей всего Роза направилась к Мануэле Костилю де Домингос. Кто лучше нее, вкусившей и сценического успеха, обожания поклонников и прессы, а потом горечи расставания с эстрадой, постепенного охлаждения публики, сможет успокоить и приободрить молодую певицу? Значит, решено. Надо ехать к донье Домингос.

Рикардо уже выводил свой «мерседес» из гаража, как его остановил у самых ворот запыленный Руфино:

– Сеньор Рикардо, скорее! Сеньора Роза в прямом эфире «Телевисы»!

Линарес не стал и подниматься в кабинет, остался вместе всеми слугами и только что спустившейся Кандидой у большого телевизора в холле.

На экране, на первый взгляд, ничего необычного не происходило. За большим столом сидел усатый толстый мужчина лет сорока пяти, а напротив него Роза. Они о чем-то разговаривали, вроде бы спокойно, но о чем, зрителю не было слышно. Закадровый голос дежурной скороговоркой сообщал, что камера была уже подготовлена для еженедельного интервью главного редактора популярной газеты «Эль соль де Мехико» уважаемого сеньора и известного журналиста Похидеса, как в кабинет ворвалась молодая певица Роза Гарсиа Монтеро и потребовала у редактора объяснений в связи с сегодняшней публикацией статьи «Провинцию можно обмануть, а столицу – нет!». Сейчас небольшие технические неисправности на линии будут устранены и все не только увидят, но и услышат этих интересных собеседников. И в самом деле звук из кабинета тут же повел на экран:

– ...еще раз повторяю, сеньора Монтеро, статья подписана специалистом, музыкальным критиком, авторитетом в своей области. Разделяет ли наша газета его точку зрения – это не имеет значения. Мы вправе публиковать самые разные материалы.

– Но не откровенно лживые!

– Что вы называете ложью, уважаемая сеньора? Это всего лишь мнение специалиста и...

– Ложь, что меня забрасывали помидорами и освистывали, ложь, что моя семейная жизнь не столь благополучна, ложь, что я ввожу публику в заблуждение и насаждаю вульгарный вкус, ложь... Все в этой статье, сеньор редактор, сплошная ложь и клевета! Это вы обманщик народа, а не я!..

– Сеньора Монтеро! Я попросил бы вас не забываться, мы беседуем перед камерой «Телевисы» в прямом эфире. Я уже жалею, что дал свое согласие на подобную встречу. Никто вам не давал права публично оскорблять меня и мою газету!

– Нет, неуважаемый сеньор Похидес, это вы открыто и нагло оскорбляете людей, и не одну меня, а тысячи тех, кто полюбил мои песни. И я никогда не поверю, что вы делаете свою газету чистыми руками и из благородных побуждений. Сколько и кто вам заплатил за эту грязную статейку?

– Да как вы смеете! Еще никто и никогда не бросал в лицо журналисту Похидесу подобных обвинений. Да я самый неподкупный редактор в Мексике! Да...

– Самый продажный! И наверняка не слишком дорогой – тридцать сребреников, не более того!

– Сеньора, я не могу больше разговаривать в подобном тоне. Прошу вас сию минуту покинуть мой кабинет. Аудиенция закончена!

– Нет! Вы должны признаться, что были подкуплены и извиниться перед зрителями. Их эта статья оскорбит не меньше, чем меня.

– Мне не в чем признаваться и извиняться. Более того, теперь я уж совершенно уверен в стопроцентной правоте этой статьи. Вы, сеньора, совершенно невоспитанны и не умеете себя вести в приличном обществе. Наверняка вас должны были освистать и забросать чем попало...

– Меня-то – нет! А вас вот, сеньор, давно уже пора. И я сейчас исправлю этот большой недочет.

И с этими словами Роза засунула в рот два пальца и оглушительно и протяжно свистнула. У редактора Похидеса от удивления вытянулась физиономия и сам собою открылся рот. Открылся и не закрылся, ибо, перестав свистеть, Роза стала бросать в журналиста всеми предметами подряд с его стола. Пепельница в толстяка не попала, но окурки плавно опустились и покрыли пеплом его физиономию. Блокнот стукнул его по плечу, бумаги веером кружились по комнате, а вода из графина через несколько секунд превратила костюм редактора в мокрую тряпку. Похидес вскочил со стула и попытался спрятаться за шкаф, но Роза была начеку и метко метнула в ту сторону вазу с цветами. Ваза ударилась об шкаф и разбилась. Осколки пронеслись в опасной близости от лица толстяка.

– Полиция! – завопил он. – Полиция! Избивают!

– И опять ты врешь! – вскричала Роза. – Но так и быть, несколько отметок ты заслужил.

С этими словами она сорвала с ноги туфлю с длинным острым каблучком и двинулась прямо к забившемуся в угол Похидесу. Она пылала благородным гневом и очень красиво было в эту минуту ее лицо, крупным планом показываемое «Телевисой». Но приблизиться вплотную к редактору ей не удалось, ее остановил примчавшийся на шум охранник редакции, здоровенный мужчина, похожий на штангиста. Тогда Роза метнула туфлю в Похидеса, повернулась и, гордо прихрамывая, в обуви на одну ногу, отправилась прочь. А на экране крупным планом предстал мокрый и весь в пятнах Похидес. Жалкое зрелище!

«Телевиса» пустила клип веселой народной песенки в исполнении Розы Гарсиа Монтеро, а по окончании его диктор бодро сообщил: «По нашим сведениям разгневанная певица только что добыла в редакции адрес музыкального критика Сальвадора Мабарака, автора статьи „Провинцию можно обмануть, а столицу – нет!“, и направляется сейчас в своем „ягуаре“ прямо на квартиру этого сеньора. Наша передвижная телевизионная группа выезжает следом. Будьте у экранов и ожидайте развития событий».

В гостиной Линаресов воцарилось тягостное молчание. Рикардо ощутил, как пылает его лицо, как сухо у него во рту. Как позабавил бы его этот скандал, случись он с кем-то другим, а не с его женой. Происшедшее казалось ему невозможным, невероятным, нереальным. Казалось бы, Роза давно уже и без труда приобрела манеры дамы из общества, и он давно уже перестал беспокоиться на этот счет. И вот на тебе! Дикарка, настоящая дикарка! Мало того, что

наговорила дерзостей на всю Мексику, так еще и унизила известного журналиста действием. Облила водой, забросала окурками, чуть ли вазу на его голове не разбила, да еще туфлю запустила в физиономию. Что теперь будет? Как он сможет появиться перед друзьями? А перед партнерами по бизнесу? Скажут: он не может жену свою в рамках держать, как же можно иметь с ним дело?

Рикардо подошел к бару, достал бутылку виски, налил себе целую половину стакана, выпил одним движением, снова налил такую же порцию и отправился в свой кабинет. Все продолжали молчать, лишь Кандида, не в силах сдержаться, начала хлюпать носом и сдержанно рыдать. На нее старались не смотреть, а уходящего Рикардо слуги провожали сочувственными взглядами. В этом доме без слов понимали, как тяжело сейчас на душе у сеньора Линареса и со страхом ожидали возвращения сегодня домой сеньоры Розы...

Рикардо включил «Панасоник». Передавали рекламу какого-то особенно пенящегося мыла, потом уговаривали поехать на остров Шри-Ланка. «Вот это идея, – подумал он, – самое лучшее, что можно теперь сделать, это уехать из Мексики. Скрыться вместе с Розой и все равно куда, лишь бы подальше – хоть на Цейлон, хоть в Бразилию, хоть в Россию. Уехать на месяц, другой и все забудется... Но, разумеется, Розе уже больше не выступать на эстраде. Но ведь я сам в глубине души этого желал. Конечно, не такой ценой, но что случилось, то случилось. Будем считать, что все к лучшему...»

Рикардо допил свой стакан с виски и внезапно ощутил голод. Пока он ходил за бутербродами на кухню, «Телевиса» уже проникла со своими камерами и микрофонами в жилище музыкального критика Сальвадора Мабарака. Зрителям показывали обшарпанные стены и нищенскую обстановку давно не знавшей ремонта небольшой квартиры на окраине Мехико. Самого хозяина нигде не было видно. Закадровый голос комментировал: «Как видите, дорогие телезрители, „Телевиса“ лучше знает Мехико, чем сеньора Роза Гарсиа Монтеро. На несколько минут мы опередили певицу и сумели за определенную плату договориться с сеньором Мабараком, что будем присутствовать при его беседе с героиней сегодняшней громкой статьи „Эль соль де Мехико“. Сеньору Сальвадору Мабараку недавно исполнилось шестьдесят лет, он живет сейчас один и не вполне хорошо себя чувствует. Тем не менее, повторяем, он согласился ответить в прямом эфире на любые вопросы сеньоры Розы Гарсиа Монтеро. А вот и она легка на помине...»

Камера пробежала по Розе и крупным планом остановилась на ее ногах. «Ах, вот что задержало сеньору, – заворковал невидимый комментатор, – она сменила туфли. Как вы помните, прежнюю пару обуви сеньора наполовину позабыла в кабинете главного редактора газеты „Эль соль де Мехико“. Садитесь, сеньора Роза, хозяин квартиры немного задержался на кухне, сейчас он будет и вы сможете обо всем поговорить».

Тут же появился худой, изможденный и, сразу видно, очень пьющий человек, выглядевший не на шестьдесят, а на целых восемьдесят лет. Он сначала галантно поклонился Розе, застыл в этом поклоне, а потом бухнулся посреди комнаты на колени. Роза вскочила, подбежала к нему и попыталась приподнять критика с колен:

– Зачем вы так, не надо!

– Нет, надо! Не встану до тех пор, пока вы не простите меня, хотя и нет мне прощения.

– В таком случае считайте, что я извиняю вас, поднимитесь пожалуйста, присаживайтесь и давайте спокойно все обсудим.

Кряхтя, сеньор музыкальный критик нетвердо встал на ноги и тяжело опустился в кресло.

– К вашим услугам, милая сеньора, готов ответить на все ваши вопросы и даже более того.

– Это вы написали статью для «Эль соль де Мехико»?

– Да, это я, сеньора Роза, будь проклят я и мое безденежье!

– Вы верите в то, что вы написали?

– Ни одной секунды не верю!

– Тогда зачем же вы это сделали?
– Я уже сказал, сеньора, безденежье. И он подкатился ко мне как раз в тот момент, когда я жестоко страдал с похмелья.

– Кто этот «он»?

– Да этот жирный боров, главный редактор Похидес.

– За что же он так ненавидит меня?

– Да он о вас, сеньора Роза, и понятие не имеет.

– Тогда зачем же...

– Да заплатили ему и уж, конечно, раз в сто больше, чем он мне.

– Кто заплатил?

– А вот уж этого я не знаю и даже не догадываюсь. Можно было предположить, что тут действуют ваши конкуренты по шоу-бизнесу, но чутье и опыт мне подсказывают, что это не так. Ведь, в сущности, вы сейчас единственная, кто работает в народной эстрадной манере, все остальные на Америку и Европу смотрят. Да и не так давно вы на эстраде и зарабатываете еще немного и не так прославлены, чтобы вас так лихо подставлять..

– Вы готовы написать опровержение своей собственной статьи?

– А вот этого, милая сеньора, совсем и не требуется.

– Почему, сеньор критик?

– Потому что опровержение содержится уже в самом тексте уже опубликованной статьи.

– Как так?

– Сеньора Роза, я, конечно, человек конченый, пьяница, но совесть и честь пропил еще не до конца. Если бы вы ко мне не пришли, то люди бы все равно правду узнали. Уже сегодня кто-нибудь бы догадался и другим рассказал. Вы знаете, что такое акrostих? Это когда из начальных букв каждой строчки стихотворения складывается целое имя или даже фраза. Статья, конечно, не стихотворение. Но все же попробуйте поставить друг за другом начальные буквы каждого абзаца и посмотрите, что получится...

На экране появилась статья из газеты «Эль соль де Мехико», а потом компьютерной строкой побежали первые буквы каждого абзаца. В результате сложилась фраза: «Здесь все обман от начала и до конца».

Снова включилась комната Сальвадора Мабарака. Крупным планом морщинистое лицо хозяина и счастливое, сияющее лицо Розы.

– Сеньор, разрешите я расцелую вас! Вы достойно вышли из трудного положения. – И Роза поцеловала старика в щеку.

– О, сеньора Роза! Какое счастье, что вы меня прощаете по-настоящему, но, поверьте, уж сам-то я знаю, что заслуживаю только презрения.

– Напротив, сеньор Сальвадор, вы проявили себя мужественным человеком. И все мы должны хорошо подумать, чтобы такие, как вы, впредь не попадали в подобные ситуации. Еще раз спасибо вам за честность. И отдельное спасибо «Телевисе» за оперативность и находчивость. Жду всех вас на свой концерт, правда, еще не знаю, где и когда он состоится.

Снова крупным планом лицо Розы и идут титры популярной передачи «В прямом эфире «Телевисы».

– О, черт! Ну, надо же так! – выругался вслух Рикардо и трудно было понять, чего в этом возгласе больше: облегчения, удивления, радости или досады. Жди теперь, покинет Роза эстраду, как же! Невозможная, вульгарная, скандальная ситуация явно обернулась к пользе, славе и известности его жены как певицы и личности. Неизвестные враги добились своего с точностью до наоборот: хотели поставить Розу на колени, а поставили на пьедестал. Пожалуй, теперь не только знакомые, но и незнакомые Рикардо люди будут здороваться с ним гораздо почтительнее да и на бизнесе это скажется куда как положительно. Вот уж точно: нет худа без добра!

Да, уже пора поджидать у ворот Розу, гоняет она на своем «ягуаре», как заправский шофёрюга-лихач, трудно даже представить, что несколько лет назад, когда осваивала свою первую машину – чужой грузовик, то делала аварии в самых безобидных местах и на самой малой скорости...

Рикардо быстренько побрился, смочил щеки лучшим лосьоном, надел белую рубашку, белый костюм и белые туфли, взял в руки букет алых роз и пошел к воротам. Но тут же и насторожился. С другой стороны Розу уже тоже явно ожидали и явно репортеры. Как понял Рикардо по их разговорам, в основном это были представители почти всех крупных столичных газет и двух каналов Радио. Да, интересная у Линаресов начинается жизнь, скоро в собственном доме покоя не будет!

Раздалось урчание мотора, подъехала Роза.

– Сеньора, сеньора, – загалдели репортеры, – прокомментируйте сегодняшние события и сделайте выводы.

– Комментировать здесь нечего; кто видел, тот сам все поймет. А кто еще не видел, имеет шанс увидеть в повторе в вечерней программе «Телевисы». Единственное, что не вошло туда, это мое предложение музыкальному критику сеньору Сальвадору Мабараку написать творческую биографию нашей выдающейся певицы прошлых лет доньи Мануэли Костилю де Домингос. Он принял это предложение с благодарностью и уже завтра садится за книгу, дав обет не принимать ни рюмки спиртного пока не закончит работу.

– А кто будет финансировать это издание?

– Фирма «Рироли», которую возглавляет мой муж Рикардо Линарес.

Рикардо поморщился, как от зубной боли, и сам, без слуг, открыл ворота. Роза бросилась в его объятия, а репортеры кинулись фотографировать счастливых супругов со всех точек. Рикардо незаметно сделал знак появившемуся наконец-то шоферу и механику Хаиме, тот отогнал «ягуар» и закрыл ворота перед репортерами. Наконец-то можно было спокойно пройти по дорожке сада домой.

– Боже, Святая Дева, кто бы знал, как я сегодня устала! – сказала Роза, обхватив руками крепкую шею Рикардо и прильнув губами к его щеке. О, как он любил такие минуты, как был счастлив, когда чувствовал ее слабость и свою силу! Рикардо одним движением подхватил Розу, и бережно, как самое большое свое сокровище, понес в дом.

Глава третья

Донья Мария Елена Торрес де Роблес, вдова лиценциата Федирико Роблеса и его законная наследница, сидела в гостиной собственного дома в Мериде и ожидала возвращения своего сожителя Браулио. Мысли ее были грустны. Да, конечно, муж ее, Федерико, был изрядный подлец, обманывал ее часто, но, по крайней мере, подумал о ней в своем завещании. А что ожидать от Браулио? Ему нужны только ее деньги. Он думает, что она не знает об его связях и интрижках с Эстелой, Карминой и толстухой Лолитой. Все она знает, только вида не показывает. Просто-напросто она уже не молода, а Браулио очень хорош в постели. В этом-то и есть все дело, потому-то она и терпит его, снисходительна к его проказам, поощряет его жадность к деньгам. Можно сказать, что она кормит его, одевает и развлекает, как дорогого любовника. Наверное, если бы он стал ее мужем, ей легче было бы потребовать от него верности. Но Браулио не выносит разговоров о браке, признает его лишь как сделку и ставит единственное условие – такой брачный контракт, по которому все деньги и имущество незамедлительно переходят в распоряжение мужа. На это Мария Елена Торрес согласиться не может. Ах, наверное, она совершила ошибку, продав дом Линаресов этой выскочке Розе Гарсиа Монтеро. Надо было стать хозяйкой этого чудесного дома, войти постепенно в избранный круг столичного общества и подыскать там жениха себе по душе, а с Браулио тогда же расстаться. Впрочем, все это можно сделать и сейчас. Конечно, ее средства за эти годы поубавились, но на приличный частный дом в Мехико вполне хватит. Сегодня же надо объявить Браулио: либо мы заключаем брак на моих условиях, либо немедленно расстаемся.

Богатая вдова взглянула на часы: полночь! Так поздно Браулио еще не возвращался. Что ж, теперь-то она уж точно поставит ему жесткие условия: или-или. Решив больше не ждать, Мария Елена Торрес де Роблес медленно поднялась по лестнице на второй этаж и прошла в спальню – большую, но очень уютную, всевозможно украшенную, хорошо обставленную и самую любимую ее комнату. Включила свет и обомлела: в кресле у туалетного столика сидел незнакомый молодой мужчина и улыбался ей.

– Кто вы? – вскричала вдова. – Как вы сюда попали? Что вам здесь нужно? Уходите немедленно или я вызову полицию.

– Не советую вам кричать, сеньора. Впрочем, это уже все равно. Подойдите ко мне и прочитайте предсмертную записку вашего любовника Браулио.

– Что за чушь вы говорите! Он что, умер?

– Увы, сеньора, это так. Скоро вы сами в этом убедитесь. Но лучше, пожалуй, я прочту вам записку сам: «Прошу простить меня, я не знал, что делаю. Сеньора Мария Елена Торрес де Роблес много лет не соглашалась выйти за меня замуж и мы постоянно ссорились с ней на этой почве. В эту последнюю нашу встречу я пригрозил ей пистолетом, нечаянно выстрелил из него и убил Марию Елену. Так как жизнь без нее не имеет для меня смысла, ухожу вслед за ней. Браулио Лопес».

– Какая глупость! Ничего подобного никогда не было и не могло быть. Это я хотела выйти за него замуж, а не наоборот. Я не знаю, кто вы такой и чего вы хотите, но полиция несомненно выяснит...

Вдова нажала кнопку звонка. Сигнал отчетливо прозвучал по всему дому. Молодой человек улыбнулся.

– Не трудитесь зря, сеньора. Прислуги в доме нет. Наш разговор уже развлекал меня, вполне достаточно. Будем заканчивать. Подойдите к постели и взгляните.

Молодой человек раздвинул занавеси и Мария Елена Торрес де Роблес увидела на белоснежных простынях Браулио. Из большой рваной дыры в области сердца ее любовника еще продолжала тоненькой струйкой сочиться кровь. Она хотела закричать, но тут ей сделалось

дурно и силы покинули ее. Потерявшая сознание женщина уже не видела, как молодой человек поправил на руках перчатки, достал из ящика туалетного столика пистолет, подтащил ее тело на середину ковра и выстрелил ей в висок. Затем он вложил оружие в руки остывающего Браулио, все тщательно осмотрел и ушел, оставив свет в спальне.

Давняя подруга Ирмы Дельгадо Ольга звонила ей весь вечер, но так и не смогла застать. «Где же Ирма может быть? Ведь после того, как несколько лет назад случилось покушение на ее жизнь, в организации которого она подозревала своего жениха лиценциата Федерико Роблеса, Ирма живет очень замкнуто, нигде почти не бывает. Может быть, снова заболела и не встает с постели? Надо будет утром навестить ее...»

Но утром дверь ей не открыли. Еще больше встревоженная Ольга обратилась в полицию. Дверь была закрыта изнутри, никаких следов пребывания посторонних людей в доме, все на своих местах, ничего не пропало. Ирму Дельгадо обнаружили в ванной. Судебный эксперт определив что, уже погрузившись в воду, женщина испытала сердечный приступ, потеряла сознание, а затем захлебнулась в воде.

Сильвия, бывшая секретарша лиценциата Роблеса, поехала на выходной отдохнуть в Пуэблу. Ей всегда нравился этот городок старинных церквей и веселеньких пестрых домов. До вечера она бродила по городу, заходя во все местные музеи, пообедала в уютном ресторанчике, посмотрела новую американскую мелодраму. Весьма довольная проведенным днем, к вечеру она пришла на стоянку автомобилей, чтобы сесть в свой красный «тандерберд» и отправиться в Мехико. Но машина никак не заводилась.

Растерявшаяся Сильвия хотела было пойти на поиски механика, но он, на удачу, объявился рядом сам – в рабочем синем комбинезоне и фирменной кепке. Очень приятный и улыбчивый молодой человек. Довольно быстро он устранил неисправность, но решил, во избежание случайностей, сам повести машину. Сильвия поначалу запротестовала, ей жаль было выкладывать деньги еще и за эту услугу. Но молодой человек ее успокоил, сказал, что ему самому нужно в Мехико и что за то, что он поедет на ее машине, он вообще не попросит денег, даже за ремонт. Сильвия согласилась, тем более, что он ей все больше и больше нравился как мужчина, да и веселее было ехать вдвоем.

Она весело болтала, шутила, рассказывая о себе, мило краснела от комплиментов своего шофера, а когда, наконец, взглянула на дорогу, то не узнала местности.

– Разве мы едем не в Мехико? – обеспокоено спросила Сильвия.

– В Мехико, куда же еще, – ответил молодой человек. – Просто эта дорога, ее мало кто знает, гораздо короче.

Он широко улыбнулся Сильвии, показывая крепкие белые зубы, и коротким тычком ткнул ее в висок незаметно надетым на пальцы правой руки кастетом. Сильвия немного сползла по сидению, молодой человек отцепил ее ремень безопасности, перетащил девушку к себе на колени, посмотрел вперед, увидел нужную развилку, повернул, поехал на самой малой скорости, затем переключил на среднюю, выпрыгнул из «тандерберда» и захлопнул дверцу.

Ровно через две минуты машина упала в глубокий овраг и загорелась.

Мириам Асеведо, давняя и самая верная любовница Федерико Роблеса, выйдя из большого универмага в центре, обнаружила, что ее, давно не новый «шевроле», угнали. Не слишком огорчившись (давно пора покупать новый автомобиль), Мириам все же оставила заявление в ближайшем отделении полиции и решила вернуться домой на метро – тем более, что ей было недалеко, а станция «Инсурхентес» находилась в двух шагах. Правда, в этот час в метро было слишком много народу, но один раз, хотя бы ради разнообразия, можно было и потерпеть.

Уже при входе в метро Мириам Асеведо начал оказывать, незаметные для окружающих, но явные для нее, знаки внимания приятный молодой человек. «Надо же, – подумала тридцатилетняя женщина, – я еще в хорошей форме, раз на меня обращают внимание такие юнцы». Ничем не отталкивая, но и не поощряя новоявленного ухажера, Мириам направилась к платформе. Молодой человек шел следом, выдерживая небольшую дистанцию.

Народу в ожидании электропоезда скопилось много, Мириам суеверно отошла от края на два шага. Показались огни головного вагона. «Пожар!» – крикнула какая-то женщина. Все головы повернулись на крик и в этот момент Асеведо почувствовала, как ее стянули, словно железными обручами, и тащат к крал платформы. Она ничего еще не успела понять, только увидела прямо перед собой смеющееся лицо молодого человека, потом ощутила себя в воздухе, а рядом, совсем рядом оказались огромные фары электропоезда. Удар, скрежет, крики: «Женщина попала под поезд!...»

– Ты не должна была проводить операции в такой последовательности! Как ни глупа наша полиция, нельзя исключить, что кто-то догадается связать все эти четыре случая воедино, найти в них общее звено и тогда...

– Что тогда? Допустим, найдется умный следователь, который раскопает это старье: все покойницы были тесно связаны с лицензиатом Федерико Роблесом. Ну и что? Бывают же роковые совпадения.

– Но не до такой степени и не за такое короткое время.

– Допустим, что так. Дальше что? Покопали-раскопали-выяснили, что все эти бабы – явные и тайные жены-любовницы Роблеса. Но самого-то его подстрелили лет пять назад. Чтобы они ни предположили, эти предположения никуда не приведут. Да и предположить-то нельзя: кому и зачем понадобились эти убийства? Тем более, что все шито-крыто, сплошные несчастные случаи...

– Да, уж это ты сделала правильный выбор: Хуан Весельчак работает всегда чисто.

– Ну вот, мой милый Армандо, я рада, что хоть что-нибудь ты в моих действиях вполне одобряешь.

– И все же я прошу тебя, Джулия, быть похитрее и поосторожнее. Достаточно того, первого раза.

– Неужели ты думаешь, что я позабыла этот мрачный Черный дворец Лекумберри – главную тюрьму Мехико?! Да я объезжаю ее за три квартала!

– Ну, там ты пробыла не так уж долго.

– Достаточно, чтобы запомнить на всю жизнь – шесть месяцев!

– Неужели год в колонии произвел на тебя меньшее впечатление?

– К тому времени я уже пришла в себя, хотя и в колонии, уверяю тебя, совсем несладко. Тем более, что ты не торопился вытащить меня.

– Джулия, ты меня обижаешь. С первого дня я бился за твое освобождение, кучу денег истратил, пока нейтрализовал свидетелей и, главное, нашел лазейки к заместителю Генерального прокурора. Ты же знаешь, по делам, связанным с убийством, на свободу досрочно не выходят, а дела пересматривают крайне редко. Кстати, зачем тебе вообще это было надо – участвовать в ограблении ювелирного магазина, у тебя камушков и тогда было больше, чем в трех таких лавках?

– Извини, Армандо, но мне иногда кажется, что ты не гангстер, а бухгалтер! Что в тебе течет кровь не сицилийских наших предков, а светловолосых гринго из Манхэттена!

– Не заводись, Джулия! Ты забыла, что мне уже сорок лет, я вышел из романтического возраста, когда увлекают разные там «пиф-паф» и разбойные ограбления. Вообще, если хочешь знать, кончились давным давно времена не только Аль Капоне, но и его внуков. Ты думаешь, что оскорбляешь меня, называя бухгалтером и благополучным гринго? Отчасти я

и то, и другое. Бухгалтер – потому, что все время считаю миллионы долларов и миллиарды песо; гринго-предприниматель – потому что учусь у этих акул бизнеса из Нью-Йорка делать деньги почти из воздуха. Между прочим, сестренка, именно на эти «бухгалтерские» деньги я вытащил тебя из тюрьмы, содержу тебя и твой дом с твоими подругами, на эти деньги осуществляется и твоя очередная забава, неокончательный результат которой на сегодняшний день – уже пять трупов!

– Сеньор Армандо Мартинес Франческотти! Я отказываюсь с вами разговаривать в таком тоне. Ты оскорбляешь меня, говоря так...

Поток гневной речи Джулии продолжался, грозя залить вокруг все и вся. Но Армандо уже не вслушивался в ее слова, ибо заранее знал и чувствовал, о чем она говорит сейчас и будет говорить потом. Он просто смотрел во все глаза на сестру и с удовольствием отмечал про себя, как она удивительно похожа и на отца и мать одновременно. Джулия их почти не помнила, что не удивительно: ей было только пять лет, когда они погибли от рук наемников клана Бургеzi. А ему-то было тогда целых двадцать, он уже входил в дело и во многие тайны был посвящен. Ах, если бы она знала, что ему пришлось тогда пережить! Джулию спрятали на горном ранчо подальше от Мехико, а он, мальчишка по сути, возглавил войну Франческотти против Бургеzi. Вот уж когда пришлось пострелять, только вот никакой романтики в этом и в помине не было, а только кровь и грязь!

Ах, девочка, ну, что в этом хорошего, когда в течение целых двух лет прячешься по грязным халупам и клоповым гостиницам! Когда в любой день и час в тебя могут пустить целую дюжину пуль, когда утром не знаешь, доживешь ли до вечера. Когда круг твоих верных друзей и соратников все сужается и сужается. Одних выносят вперед ногами, другие исчезают неизвестно куда, а третьи, что ужаснее всего! – предаются, становятся бойцами в чужом и ненавистном стане...

Ах, Джулия, дай-то тебе Бог никогда не узнать того, что узнал он за два года войны с Бургеzi. И мы победили, черт побери, победили самого Бургеzi, пятидесятилетнего, хитрого, жестокого. Армандо лично всадил в него целую обойму, его мозги разлетелись во все стороны! Жалкие остатки гвардии Бургеzi ползали перед молодым Франческотти на коленях и целовали его палец в знак вечной верности и преданности. И в награду он получил весь этот чудесный город – Мехико и треть гангстерских доходов со всей остальной Мексики. Тогда-то он, совсем еще, кажется, зеленый и понял: нельзя уже жить в этом мире нравами Аль Капоне, криминальные структуры должны прочно врасти в государство, во все его поры и ответвления: в политику, экономику, культуру... И всю свою молодую энергию он бросил на организацию этой, совершенно новой империи Франческотти, жестко пресекая любые попытки возрождения старых гангстерских методов, напоминающих Чикаго тридцатых годов.

И вот его любимая сестрица, насмотревшись старых романтических фильмов, пригрезилась себе романтику и приключения там, где их и в помине нет. Взяла себе на подмогу трех его «шестерок» и штурмовала среди бела дня ювелирный магазин в центре Мехико. Слава Богу, что был обеденный перерыв и обошлось только двумя трупами! Слава Богу, что удалось пересмотреть дело и «доказать», что девочка не стреляла, что ее насильно втянули в это дело (хотя все было как раз наоборот: Джулия была душой всего, она одна и стреляла) ... И вот теперь у нее новая блажь, новая игра – таинственная и благородная месть!

Любого и каждого мог поставить на место некоронованный король Мехико Армандо Мартинес Франческотти, но только не родную сестру Джулию. И дело было не только в родной крови. Никто об этом не знал и не мог знать, кроме него самого, но именно Армандо был виноват в том, что красавица лицом Джулия безнадежно уродлива: за спиной у нее горб с волейбольный мяч.

Пятнадцатилетний Армандо, только что поучаствовавший в серьезном мужском деле, тайком от отца выпил в одиночку целую бутылку виски. Его мутило, шатало, но не тошнило. Он

шлялся по дому на половине слуг, лапал за груди и ягодицы прислугу, сквернословя и напевая: «Мясо служанок дешевле баранок». Случайно он попал в детскую, напугал служанку Джулии и та убежала. Армандо остался над колыбелькой совершенно один. Достал зачем-то оттуда спящую Джулию, взял на руки и стал ходить-баюкать. И, конечно же, споткнулся обо что-то и, падая, выронил младенца. Сам он отделался носовым кровотечением, а Джулия получила горб, ибо упала спиной на угол перевернутого от ноги Армандо табурета.

С той самой поры Армандо в рот не брал спиртного и относился к сестре с трогательной заботой, потакая любым ее капризам, выполняя любые ее желания. Сейчас у нее был свой отдельный дом в колонии Рома – немногим уступающий его собственному, множество слуг, круглый счет в банке, пять автомобилей, яхта в Акапулько... разве что, птичьего молока у нее не было. И вот их традиционная встреча раз в месяц у Армандо дома, встреча брата и сестры наедине, для которой он выкраивал время и ради которой терял деньги, эта встреча грозит обернуться ссорой. Эх, не хотелось бы, но видно придется согласиться поиграть в эту ее новую игру. Да похоже и нет другого выхода: отступить Джулия уже не сможет, во всяком случае сейчас, а без его головы и внимания дров наломает наверняка...

– Джулия, дорогая, прекрати меня уничтожать! Может быть, я не такой уж плохой, как тебе кажется. Может быть, в глубине души мне тоже иногда хочется чего-то такого героическо-романтического. Да и пистолет я держать не разучился. У меня тут в подвале приличный тир. Хочешь – до обеда еще полчаса – немного постреляем: кто кого метче. Кто проигрывает, тот съедает за обедом лишнюю порцию рыбной закуски и потом ему придется много пить воды и бегать писать. Согласна? И за обедом же я готов обсудить детали этой твоей романтической мести. Как знать, возможно, я тоже заинтересуюсь и приму участие в вашей охоте...

Джулия смахнула с глаз крупные слезы, широко улыбнулась брату и распахнула ему объятия. Так, обнявшись, они и подошли к лифту, который должен был их спустить в подвал, в тир – «немного пострелять».

Глава четвертая

Супруги Линаресы заканчивали ранний завтрак. Оба они сегодня очень спешили. Розу ожидала встреча с самым известным продюсером шоу-программ в Мехико Антонио Маусом. Он сам позвонил вечером после повтора «Телевисой» дневного репортажа «в прямом эфире», рассыпался в комплиментах, попросил о деловом свидании. Рикардо же договорился с братом Рохелио обсудить их дела в офисе «Рироли» за час до того, как туда прибудет богатый предприниматель из Нью-Йорка Дэвид Кренкорд – намечалась удачная совместная сделка.

Настроение у супругов было приподнятое. Все в жизни складывалось в самых мажорных тонах, любовь их после двухнедельной разлуки и скандала в «Эль соль де Мехико» обрела, казалось, второе дыхание. Они улыбались за завтраком друг другу и шутили по поводу вчерашней вечерней информации «Телевисы»: сеньор главный редактор Покидес попросил совет директоров газеты освободить его от занимаемой должности в связи с ухудшившемся состоянием здоровья и необходимостью длительного лечения. «Да, Роза, – смеялся Рикардо, – подорвала ты у него здоровье, нервный стресс у него после твоей туфельки... – «Толстякам это очень полезно, – стараясь выглядеть серьезной, отвечала Роза, – глядишь, теперь похудеет килограммов на десять и станет мужчина хоть куда...»

– Сеньор Рикардо, сеньора Роза, извините, но с сеньоритой Кандидой очень плохо. Кажется, она опять не в себе, – прокричала служанка Селия, не доходя до их столика в саду и нарушая все привила, запрещающие слугам прерывать трапезу хозяев.

– Немедленно послать за доктором Кастильо! – крикнул ей Рикардо. И, так и не успев допить свой кофе, супруги почти бегом устремились в дом.

Каида Линарес сидела полуодетая на полу, с всклокоченными волосами, безумным, каким-то отсутствующим взглядом, лицо в красных пятнах, пальцы постоянно сжимаются и разжимаются, никого, похоже, не узнает. Губы силятся что-то прошептать, но ничего не слышно: из включенного приемника идет бодрая музыка. Роза выключает радио, садится с Кандидой рядом, обнимает ее бережно за плечи и прислоняется ухом к самым губам несчастной.

– Роблес... зовет... всех... кто был... с ним... за собой. Я не хочу... но мой ребенок... Роблес... кровь... Он убил их... всех.. кто был с ним... давно... – Роза произносила то, что едва слышала и разбирала из слабых губ Кандиды, негромко, но отчетливо.

Появился доктор Кастильо со своим неизменным кожаным черным чемоданчиком. Попросил помочь ему положить больную на кровать. Осмотрел, проверил пульс и сказал:

– Она в шоке, очевидно, испытала какое-то большое потрясение. Я сделаю успокаивающий укол, она поспит и, надеюсь, придет в себя.

– Сколько она будет спать, доктор? – спросил Рикардо.

– Не меньше четырех часов.

– К этому времени я буду дома. Вы побудете с больной, доктор?

– У меня сейчас еще два пациента. Да и нет необходимости – она будет спать. Но на всякий случай пусть Селия или кто-то из слуг будет поблизости.

– Хорошо. Я отдам все необходимые распоряжения.

Слегка располневший за эти годы Рохелио нетерпеливо ждал брата в офисе на углу улиц Изабеллы Католической и Венустиано Каррансы. Два года назад они арендовали это удобное помещение в центре Мехико, отмечали новоселье шампанским и много шутили по поводу того, что Изабелла – королева Испании соединилась в их офисе с Венустиано – вождем революционной Мексики. Почему-то это сейчас припомнилось, весьма некстати, ведь голова Рохелио целиком должна была быть занята другим – предстоящей встречей и в возможной сделкой

с Дэвидом Кренкордом. Но про это он думал сейчас меньше всего – Рохелио последние месяцы лихорадила его личная жизнь.

Эрлинда оказалась прекрасной женой и матерью, вела она их большую пятикомнатную квартиру в самой зеленой зоне Мехико образцово. Он-то хотел жить с братом в отчем доме до тех пор, пока не заработает денег на собственный особняк, – тем более, что места у Линаресов всем хватало. Но Линда убедила его, что каждая семья с самого начала должна жить отдельно.

Все было чудесно в самый первый год до рождения сына Артуро: Линда всегда была с ним рядом с утра до утра, ведь она выполняла еще и обязанности секретарши при нем, это она тоже сама придумала. Но с рождением сына Рохелио постепенно почувствовал себя обделенным. Эрлинда вся растворилась в материнской любви, не захотела взять ни кормилицу, ни няню. В квартире их была только одна служанка-кухарка престарелая Эйжения. «Я люблю в Артуро тебя, мой милый», – говорила ему Эрлинда. Но времени для Рохелио оставались у нее все меньше и меньше. В полгода Артуро серьезно заболел, Линда не отходила от его постельки в частной детской клинике, даже ночевала там, была и за сестру и за сиделку. Потом она поехала с мальчиком на отдых, к морю, на целых три месяца. Рохелио смог навестить их только однажды – бизнес «Рироли» только-только вставал на ноги.

Вот тогда-то он снова встретил Ванессу. Молодая вдова и не скрывала своих давних чувств к нему, а он себя чувствовал обделенным и покинутым... Его поразила глубина ее страсти и чувственности, Рохелио и не предполагал, что с другой женщиной может быть все по-другому. Он слишком долго оставался в детстве и юности калекой, передвигающимся только на костылях, редко выходил из дома, и пропустил в жизни ту пору, когда юноши каждый вечер встречаются с разными девушками. До встречи с Эрлиндой и женитьбы на ней у Рохелио не было никакого сексуального опыта.

Ванесса по-настоящему разбудила в нем мужчину, он был очень благодарен ей за это, но все же испытывал угрызения совести за свою измену жене, хотя и надеялся, что она ничего никогда не узнает об его отношениях с Ванессой. Но получилось совершенно иначе. Чуть ли не в первый день, когда выздоровевший пухленький Артуро с радостной, веселой Эрлиндой вернулись в Мехико, Ванесса, в его отсутствие, заявила к ним домой и стала убеждать жену развестись с ним, отдать Рохелио ей, так как только с ней, с Ванессой, может быть он счастлив до конца жизни.

Вечером Линда легла в детской и наотрез отказалась входить в общую спальню до тех пор, пока Рохелио не решит: остается он с ней или навсегда от нее уходит, развод она готова ему дать. Вот тут-то Рохелио и испугался за свою жизнь. Конечно, с Ванессой ему было хорошо на свиданиях, но родственной душой она ему не стала и вряд ли когда станет. Эрлинду как жену, как мать его сына, как хранительницу домашнего очага не сможет заменить никто. Тогда Рохелио нашел в себе силы порвать с Ванессой и помириться с Эрлиндой. Линда ему простила все и была особенно с ним нежна и чутка последующие после размолвки месяцы.

Но сейчас, когда они ожидали второго ребенка и Эрлинда очень тяжело переживала шестой месяц беременности, Рохелио, неожиданно для самого себя, снова сорвался. Зачем-то он пошел на вечеринку к одному из деловых партнеров, там выпил лишнего и позволил себя увезти Мариане Гульен де Ледон – известной манекенщице и фотомодели, также оказавшейся в гостях на этой вечеринке. Предлог был – посмотреть и выбрать у Марианы дома новые фасоны платьев для беременных, сделать Линде хороший подарок.

Что ж, платье он действительно наутро привез, но тайный «подарок» был иным – бурная любовная связь с Марианой Гульен де Ледон. Она продолжалась и до сего дня, причем, была, в отличие от встреч с Ванессой, совершенно свободной. Мариана ничего, кроме чувств, от него и не хотела даже в мыслях. Как рыба в воде чувствовала она себя в богемной среде Мехико, и Рохелио уже начал уставать от бесконечного карнавала в мастерских художников, в гостиных

литераторов, в репетиционных комнатах известных артистов. С Марианой было легко забыть все на свете, расслабиться, почувствовать себя беззаботно счастливым. Но стоило Рохелио вернуться домой среди ночи, как его начинали преследовать муки нечистой совести. Возможно, ему только кажется, что жена крепко спит и ни о чем не догадывается, погруженная в ожидание будущей жизни, которую она через несколько месяцев произведет на свет. А на самом деле она не показывает виду, но все знает и мучается. Нет, так больше нельзя! Завтра же, завтра же он начнет новую и чистую жизнь. Никакой богемы, никакого вина, никаких встреч с обольстительной Марианой Гульен де Ледон!

Но назавтра повторялось все то же самое. Мариана звонила в офис на углу улиц Изабеллы Католической и Венустиано Каррансы, ждала его через час где-нибудь поблизости в своем «Кадиллаке» и снова катили они весело проводить вечер в каком-нибудь загородном доме, где полно комнат для гостей и никто ни о чем не спрашивает...

А сегодня рано утром бледная Линда вошла к нему в кабинет и сказала, что вот уже несколько дней она испытывает мучительную тревогу и беспокойство. Ей кажется, что за их домом и за ней постоянно следят, следуют за ней по пятам и к врачу, и в магазин детской одежды, и в овощную лавку. Она очень боится, и не столько за себя, сколько за Артуро, за еще не родившегося маленького и за Рохелио тоже.

Рохелио заверил ее, что никакой слежки за собой не заметил. Решил про себя, что это у нее мнительность, так бывает у беременных женщин. Но чтобы успокоить жену не одними лишь словами, тут же, при ней, позвонил знакомому детективу Кастро, коротко объяснил, в чем дело, и попросил того приехать к нему в офис для более подробного разговора.

Но вот Рохелио сидит в помещении «Рироли» уже целых полтора часа и нет ни брата, ни детектива, а с минуты на минуту прибудет американский бизнесмен Дэвид Кренкорд. «Где же, такой всегда пунктуальный, Рикардо?» Словно в ответ на эти его мысли зазвонил телефон.

– Рохелио? Это Рикардо. Внезапно заболела Кандида. Пока неясно, что с ней, доктор Кастильо сделал успокаивающий укол и она спит. Я уже еду, звоню тебе из машины. Если я не успею до Кренкорда, предложи ему что-нибудь выпить и займи какими-нибудь байками. Все. До встречи.

Только он положил трубку и решил обследовать содержимое бара, как раздался еще один звонок:

– Сеньор Рохелио? Это детектив Кастро. Все это время я крутился вокруг вашего дома. Боюсь, что подозрения вашей жены отнюдь не беспочвенны. Я даже не уверен, что справлюсь без солидной помощи. Мне необходимо немедленно поговорить с вами и вашим братом. Оставляю здесь вместо себя агента Рочу и выезжаю к вам в офис.

– Извините, сеньор Кастро, но сейчас мы будем встречаться с одним важным бизнесменом.

– Я задержу вас ненадолго. Это вопрос жизни и смерти. Детектив положил трубку. Рохелио хмыкнул: кому нужно следить за беременной Эрлиндой? Он и позвонил-то в агентство просто так, для пущего блага жены, и собирался поручить Кастро вечером встретиться с ней и успокоить, мол, все проверено, сеньора, беспокойство ваше излишне и объясняется вашим особым состоянием. Наверное, частный детектив сейчас без работы, вот и хочет заставить Рохелио раскошелиться, как следует. Что ж, если он хорошо успокоит Линду, то хорошо и получит. Но зачем же ему еще и Рикардо? И как можно будет прервать встречу с Кренкордом? Подождет. Скажу секретарше, чтобы не впускала его до тех пор, пока мы не закончим...

– Здравствуйте, господин Кренкорд! Брат будет с минуты на минуту, не выпить ли нам пока чего-нибудь? Что желаете: виски, коньяк, ром?..

Уже целый час сидели втроем на креслах друг против друга братья Линаресы и господин Дэвид Кренкорд, невозмутимый рыжий американец англо-саксонского происхождения, под-

жарый, рослый, 46 лет сорока пяти, сколотивший за десять лет многомиллионное состояние участием в самых разнообразных международных деловых сделках. Кренкорд прихлебывал маленькими глоточками коньяк, запивал его кофе, курил, много говорил общих слов, комплиментов Мехико и мексиканцам, но никак не переходил к делу. Наконец, Рикардо не выдержал:

– Господин Кренкорд, я с вами совершенно согласен, что Мексика похожа своими очертаниями на карте на мифический рог изобилии, что здесь до сих пор можно получить фактически для Соединенных Штатов прибыль, но не пора ли нам начать конкретный разговор?

– О, я к тому и веду, сеньоры! Вы помните, вернее, слышали, как появлялись многие баснословные состояния в былые годы. Огромные земельные пространства покупались чуть ли не по сентаво за квадратный метр, а через несколько недель оказывалось, что там начинают прокладывать шоссе и возводить жилой район – стоимость участков подскочивала в десятки тысяч раз. У меня есть друзья в ваших правительственных кругах, кое в чем мне обязанные. Вскоре они сообщат мне, какие земли в Мексике стоит купить – очень быстро они сказочно возрастут в цене. Но вы, конечно, знаете, что гражданину другого государства подобную сделку нельзя оформить, тут требуются отечественные бизнесмены да еще с незапятнанной репутацией. Я не требую от вас немедленного ответа, но и не советую думать слишком долго. Позвоните мне в отель ровно через сутки. О'кей?

– Хорошо, господин Кренкорд, мы так и сделаем, – сказал Рикардо. – А сейчас извините, что не приглашаем вас на обед: непредвиденные домашние обстоятельства. Но обед в вашу честь за счет «Рироли» будет дан непременно.

– Спасибо, сеньоры, всего доброго, до встречи. – Дэвид Кренкорд выпрямился, как жердь, бросил недокуренную сигару в хрустальную пепельницу, церемонно поклонился и направился к выходу.

Братья уже собирались обменяться мнениями о состоявшемся разговоре, как в только что закрывшуюся за американским бизнесменом дверь ворвался детектив Кастро. Он был в ярости и плохо скрывал это:

– Сеньор Линарес, я же просил вас принять меня незамедлительно. Это слишком серьезное дело.

– Сеньор Кастро, я не мог ни отменить, ни перенести предыдущую встречу. Тем более, что не вижу причин для беспокойства. Вы должны знать, что беременные женщины отличаются своеобразным восприятием действительности. То им хочется соленого огурчика, то сгущенки, а то им что-нибудь кажется.

– Нет, сеньор. Здесь другой случай. И пожалуй, именно беременность, обостренность восприятия и помогла вашей жене обнаружить эту слежку. Обычный человек этого бы не сумел сделать – действуют профессионалы высокого класса.

– Вы кого-то узнали? Кто-то из ваших коллег, частных детективов? Или почему-то полиция?

– Боюсь, что дело обстоит гораздо хуже и гораздо серьезнее, сеньор Линарес. По всем повадкам это – мафия.

– Мафия? Из чего это следует?

– Чутье, опыт, знание их почерка.

– Это слишком общие слова, сеньор Кастро!

– А у меня пока и нету досье, сеньор Линарес! Но я сам видел из-за шторы, поднявшись в вашу квартиру, как на секунду сверкнули линзы хорошего полевого бинокля в доме напротив.

– Возможно, юнец подсматривает за тем, как женщина раздевается.

– Возможно. Но мне не понравился фургон неподалеку от вашего дома и показалось знакомым лицо молодого забулдыги в баре поблизости, откуда хорошо просматривается обычный пеший маршрут вашей супруги.

– Все забулдыги чем-то похожи друг на друга.

- Этого я явно видел когда-то в одном полицейском досье.
- Ну и что? Вполне понятно.
- Но он взглянул на меня, когда я вошел в бар, совершенно трезвыми глазами, хотя в бутылке за его столом половины содержимого уже не было!
- Значит, умеет пить и не пьянеет...
- Сеньор Линарес, я не понимаю вас. Вы ведь сами мне позвонили и...
- Да сеньор Кастро, я сделал это, чтобы успокоить свою беременную жену и, надеюсь, вы мне в этом поможете.
- Как я могу ее успокоить, когда сам уже всерьез беспокоюсь.
- Ну, проверьте все еще раз. Привлекайте людей, сколько нужно. Я готов оплатить все расходы, только чтобы успокоить Эрлинду.
- Я вас понял, сеньор. Но разрешите задать два вопроса вам и сеньору Рикардо.
- Задавайте.
- Допустим только на минуту, что моя интуиция права и за вашей женой, сеньор Рохелио, кто-то следит. В таком случае, на то есть серьезные причины. Все ли в порядке с вашим бизнесом, сеньоры? Нет ли у кого причин как-либо посчитаться с вами, как конкурентами?
- Исключено.
- Все ли в порядке в вашей личной жизни, сеньоры, заранее прошу прощения за неделikatный вопрос?
- Все в полном порядке, – без запинки ответил Рикардо.
- Да, – немного помедлил с ответом Рохелио и слегка покраснел.
- В таком случае до свиданья, – детектив Кастро поднялся с кресла. – Вечером я позвоню вам или даже зайду, сеньор Рохелио. Всего доброго, сеньор Рикардо! Если придут какие-то мысли или соображения, обязательно позвоните.
- Кастро стремительно вышел, а Рохелио принужденно рассмеялся:
- Пугать – его профессия, так он больше заработает. Уверен, что он просто использует кажущиеся опасения Линды, развивает сценарий, как говорят специалисты.
- Хорошо, если так, – сухо сказал Рикардо. – Но наша семья с ним уже имела дело и он проявил себя пять лет назад наилучшим образом. Он и агент Роча. Ты лучше скажи брату: твоя личная жизнь и в самом деле в полном порядке?
- Ну... – смутился Рохелио, – ты же знаешь: ждем второго ребенка и...
- И поэтому ты афишируешь на всех углах свою связь с Марианой Гульен де Ледон!
- Откуда ты знаешь, Рикардо? Кто тебе сказал?
- Какая разница, если об этом знает весь «культурный» Мехико!.. Ну, допустим, мне Роза сказала, в артистической среде ведь не утаишь: кто, с кем и когда.
- Значит, и Эрлинда уже знает, – упавшим голосом сказал Рохелио. – Ведь она часто говорит по телефону с Розой, а они давние подруги.
- Ручаюсь, что Эрлинде Роза как раз ничего не говорила и не скажет, особенно теперь, когда твоя жена ждет ребенка. Но вот тебе Роза при встрече обещала расцарапать физиономию, так что берегись, она может.
- Да уж знаю, – облегченно вздохнул Рохелио, – буду стараться держаться от нее на безопасном расстоянии.
- Да уж постарайся, – засмеялся Рикардо, – ведь сейчас ты ее увидишь.
- Как сейчас?
- Но ведь поедешь же ты навестить заболевшую сестру, тем более ты не видел Кандиду уже месяца два. А Роза там тоже уже должна быть.
- Да-да, конечно, я уж и позабыл за всеми этими делами, что ты говорил по телефону о внезапной болезни Кандиды. Поехали, только мы так и не обсудили предложение американца.

– Обсудим у меня в машине. Здесь есть над чем подумать.

Глава пятая

Роза наслаждалась своей беседой с лучшим продюсером Мексики Антонио Маусом. Она его сразу раскусила. Пятидесятилетний, полный сил вальяжный мужчина, записной дамский угодник, умел, что называется, пустить пыль в глаза, рассыпаться в самых замысловатых комплиментах. Маус хорошо подготовился к этой встрече и знал о Розе практически все, даже о нищенском ее прошлом в Вилья-Руин.

– Сеньора Роза, – говорил он, – другой бы вас понял хуже, но я-то вышел из простых крестьян, а начинал грузчиком в порту Веракруса. Я знаю, какие песни нужны народу. Ваши! Но у народа мало денег, деньги у буржуа, а буржуа плохо понимают национальную музыку, они отравлены ритмами нашего северного соседа. Но сейчас, я чувствую носом, наметился переход, самое начало моды на национальное. И можно, и нужно спасти эти драгоценные ростки, ну и заработать на этом, конечно. Но потребуются значительные расходы на рекламу. Начало вы сами положили прекрасным вчерашним скандалом, показанным по «Телевисе». Я предлагаю вам сразу три грандиозных концерта в лучшем зале Мехико и не сомневаюсь, что они пройдут с великим успехом. После третьего концерта, я суверен на число три, мы подписываем контракт на два года. Подробности этого контракта сейчас вырабатываются, но уверяю, что он будет чрезвычайно заманчив и выгоден для вас – еще никому, пожалуй, я не предлагал такого контракта. Гастроли по Европе, Канаде и Соединенным штатам Америки, Япония, возможно, Россия. Домой вы вернетесь звездой первой величины и будете нарасхват. Наверняка последуют хорошие предложения от кинематографистов и телевизионщиков. Пожелаете, получите отличный дополнительный заработок от участия в рекламе.

– Не пожелаю, – засмеялась Роза.

– Этого вы сейчас знать не можете, – улыбнулся Антонио Маус. – Доллары, как водяная воронка, засасывают. Чем больше их зарабатываешь, тем больше хочется, так, что не гнушаешься ничем, разумеется, в рамках закона, хотя он, ой как, мешает иногда... Так вы согласны – пока на три концерта.

– Согласна, сеньор Маус.

– Для вас, милая звезда, просто Антонио. К вашим услугам в любое время дня и ночи.

– Лучше дня.

– Что лучше этого вы пока знать не можете, – засмеялся продюсер. – Подойдите к моему секретарю, подробности насчет этих концертов у него. Репетиции начинаете завтра. А сегодня, может быть, согласитесь пообедать со мной где-нибудь в хорошем ресторанчике, часа так через два, сейчас у меня, увы, еще есть некоторым дела, будь они все прокляты, если отвлекают от такой привлекательной девушки.

– У меня муж и двое детей, сеньор Маус.

– Антонио, меня зовут Антонио. Муж и дети, милая звезда, не помеха чувствам. Во всяком случае пообедать они не помешают.

– Согласна, но как-нибудь в другой день. Сегодня я должна быть дома.

– Жаль, но пока, вы понимаете пока, не смею вас задерживать. До встречи на первом концерте. Вашу ручку?

Роза протянула Антонио Маусу руку, он галантно поцеловал ее и задержал в своих пальцах несколько дольше, чем полагалось.

Роза села в автомобиль и посмотрела на часы: освободилась она гораздо раньше, чем предполагала. Дети еще на прогулке, Рикардо в офисе, Кандида спит... Не заехать ли ей к Сорайде, продолжать немного, выпить чашечку кофе, в это время в «Твоем реванше» почти нет посетителей...

Сорайда бросилась ей на шею, зацеловала, провела к лучшему столику, махнула рукой официантке и та тут же принесла сыр, зелень, бутылку белого вина и полный кофейник с вазой булочек и пирожных.

– Сорайда, – с лукавой укоризной сказала Роза, – ты позабыла, что я спиртного и на дух не выношу.

– До сих пор? – нарочито удивилась Сорайда. – И как это тебя, почти монахиню, в твоём шоу-бизнесе терпят? Ну и ладно, зато я выпью за твои успехи. Хотя бы за то, что ты своих недоброжелателей, я видела по «Телевисе», поставила на место. Ха! За тебя, дорогая Роза, за то, чтобы ты не забывала Сорайду и «Твой реванш»!

Роза засмеялась от удовольствия и стала рассказывать подруге про свою утреннюю встречу с продюсером Антонио Маусом.

– Сам сеньор Маус! Ну, надо же, как тебе повезло, девочка. О, теперь ты далеко взлетишь и позабудешь всех нас. О, да за это надо пить не сухое вино, а шампанское! Хочешь шампанского, Роза? Ах, да... ты ведь у нас... ха-ха-ха... Ой, извини, меня к телефону. Это важно, это мой мясной поставщик...

Сорайда отошла, а Роза, наконец, принялась за кофе с ореховым пирожным и тут ощутила на себе чей-то пристальный взгляд. Она обернулась и увидела в дальнем углу знакомое лицо. Эрнесто Рохас! Её давний знакомый и особенно настойчивый ухажер. Надо же, как он верен «Твоему реваншу», не потому ли, что они с ним здесь и познакомились? Эрнесто – хороший друг и многому научил ту дикую девчонку-простолюдинку, которой она тогда была, но уж очень сильно он на нее рассердился, когда Роза решительно отказалась выходить за него замуж...

Она кивнула Рохасу, напряжение на его лице спало, он улыбнулся ей, взял свою чашку и решительным шагом направился к столику Розы.

– Ты меня еще не совсем позабыла?

– Как видишь, нет.

– Может, и простила? Ведь я был просто безобразен, когда окончательно понял, что теряю тебя, что ты принадлежишь этому аристократу Рикардо, которого я, даже не видя, терпеть не мог.

– Ты не мог понять, что он был моим мужем уже тогда, когда мы с тобой впервые встретились, Эрнесто. Я была его женой и сохраняла ему верность, хоть мы и были в размолвке.

– Да... Только потом я все понял и во всем разобрался. Прости, Роза.

– Прощаю. Ты лучше расскажи, о себе, где живешь, с кем, кто твоя жена, чем занимаешься, что-то давно я не встречала статей за твоей подписью, может, ты перешел работать на другие газеты и журналы, мне неизвестные?

– Как много вопросов, Роза, неужели это тебя, правда, интересует или же это просто вежливость?

– А ты все такой же – обидчивый ни с того, ни с сего. Что здесь такого, если человека интересует жизнь его друзей?

– Так мы по-прежнему друзья?

– Конечно. Пей свой кофе и рассказывай... Эрнесто Рохас смотрел в большие, лучистые глаза женщины, которую он продолжал любить все эти годы, и не знал, что же ей рассказать. После того, как он понял, что окончательно потерял Розу, что надеяться уже не на что, он просто потерялся в этой жизни. Жил каким-то автоматом, роботом, у которого есть человеческая оболочка, но человеческие чувства заменены функциональным устройством. Автоматически ходил на работу, автоматически писал репортажи с места события, автоматически пил горькую... Какая семья, какая женитьба!

После Розы он просто не мог смотреть на женщин, хотя мать ему все уши прожужжала, что хочет прежде, чем умереть, увидеть внуков, хотя все, хоть сколько-нибудь знакомые, девушки строили ему глазки и были готовы пойти с ним куда угодно.

Автоматическая журналистика обрыдла ему, но другие занятия привлекали еще меньше. Однажды он решил, что избавится от своих тайных мучений, если предаст их бумаге. Целый год Эрнесто сочинял роман, где в главной героине угадывалась Роза, а в герое, который в конце концов женится на ней, он сам. Рукопись романа обошла шесть издательств, но нигде не была принята. Сейчас она находилась в седьмом издательстве, а короткий, сценарный вариант романа, был предложен киностудии. Но привлекали Рохаса вовсе не лавры писателя, не известность, какую он мог бы получить с выходом книги и картины. Ему очень хотелось, чтобы этот роман, этот фильм, когда они выйдут, посмотрела Роза и... Но что именно тогда произойдет, он не предполагал и даже боялся предположить. Просто ему грезилось что-то большое и счастливое.

Последние месяцы работы над романом прошли у него столь насыщенно и так не хотелось ему отрываться от письменного стола, что Эрнесто пренебрег многими своими журналистскими обязанностями и в результате оказался уволен из газеты. Но это еще не слишком огорчило, ибо втайне он был уверен, что роман его напечатают сразу же, как он отдаст его в первое же издательство. Вышло же не так, через некоторое время кончились все деньги и пришлось срочно искать хоть какую-то работу.

Знакомый журналист устроил Рохаса в рекламное агентство своего тестя. Для себя он решил, что это будет временная работа. Но это «временно» продолжалось уже почти три года. И дело было не только в том, что в принципе Эрнесто не тяготила эта работа: он относился к рекламе, как к детской игре, и не так уж много времени у него уходило, чтобы сочинить краткий рекламный текст или игровой сценарий рекламы новых носков или охлажденного пива, том более, что хозяин агентства следил за тем, чтобы был результат, но не требовал постоянной отсидки в тесном и душном помещении конторы. Главное же, почему Эрнесто Рохас задержался в рекламном агентстве, была его встреча там с Бернардо Кальдероном Пачеко.

Старый газетный волк, прославленный полицейский репортер, тот уже давно, лет двенадцать, как «ушел на покой» из «Ла пренсы», и работал в агентстве на должности даже меньшей, чем Рохас. Был очень молчалив и замкнут в общении. Никто толком не знал ни где он живет, ни чем занимается после работы. Тем удивительнее было для Эрнесто, когда молчун Пачеко пригласил его полгода назад к себе домой – помочь передвинуть мебель.

Квартирка под самой крышей старого пятиэтажного дома неподалеку от центра, почти мансарда, оказалась столь мала, а мебели в ней и того меньше, что они управились за каких-нибудь пятнадцать минут. Потом хозяин предложил Рохасу перекусить, щедро плеснул виски в толстые стаканы и сказал:

– Давно я присматриваюсь к тебе, парень. Ты мне подходишь. Ты и будешь хранителем. Вот, почитай-ка это. – И протянул Эрнесто машинопись, страничек двадцать пять, скрепленных проржавевшей скрепкой.

Эрнесто хотел перегнуть рукопись пополам и положить в карман, но Бернардо Кальдерон Пачеко твердо посмотрел ему в глаза, положил тяжелую руку на его ладонь и отчетливо произнес:

– Читай здесь и сейчас, выносить это нельзя. Прочитанное поразило Эрнесто Рохаса. После короткого вступления, констатирующего, что полиция Мехико и всей страны вылавливает лишь мелкую рыбешку, шла поистине впечатляющая картина разветвленного организованного преступного мира Мексики, мощно коррумпированного со всеми эшелонами власти. Назывались имена и направление деятельности, приводились даже адреса и телефоны особенно видных мафиози, первым из которых числился в этой бумаге Армандо Мартинес Франческотти.

– Вы пробовали это напечатать, сеньор Пачеко?! – первое, что сказал потрясенный Эресто. – Это же бомба, за это должна ухватиться любая газета.

Старый Бернардо улыбнулся:

– Да, сынок, как я и предполагал, ты не только очень еще молод, но еще больше горяч. Ну, да не беда, я сам таким же был в твои годы, когда бегал по полицейским участкам, писал свои заметки и никак не мог понять, почему попадаетесь разная шушера, шестерки, а валеты, не говоря уж о королях и тузах, постоянно уходят от ответа.

– Но ведь эта статья – смертный приговор, всему организованному преступному миру Мексики!

– Это тебе так кажется, на самом же деле это смертный приговор мне, старой ищейке. Как только я принесу эту бумагу в любую газету, так тут же и засвечусь, и стану под пушки киллеров.

– А если отдать бумаги в прокуратуру, полицию, людям из правительства?

– Результат, скорее всего, будет тот же самый.

– Что же, нет совсем честных людей среди редакторов, офицеров, чиновников, депутатов парламента?

– Как не быть! Я сам знаю немало таких, особенно в полиции, но у всех у них связаны руки, они все окажутся в моей роли. Да и нет никакой гарантии, что бумаги попадут именно к тому человеку, какой нам нужен. Да и чепуха, мелочевка эти двадцать страничек, сами по себе они мафии не страшны.

– Как это может быть?

– А так. Допустим, мы находим смелого редактора-самоубийцу и он все это печатает. Шум, скандал, общественное внимание – все это обеспечено. А дальше что? Ничего. «Факты не подтвердились», «газетная утка», «опорочили известных людей» и т. п. Сама по себе эта бумага немногого стоит, но вот дополнение к ней – скрупулезное досье – кто, что, когда, где – вот оно «бомба».

– А есть такое досье?

Бернардо Кальдерон Пачеко внимательно посмотрел на Эрнесто Рохаса, потом по-детски улыбнулся и сказал:

– Есть, сынок. Вот его хранителем я и предлагаю тебе стать. Я уже стар, одинок, помереть могу в любой день и час. Жалко, если пропадет труд всей жизни...

На другой день они направились за город, на сильно запущенное фамильное ранчо Пачеко. Там, в бетонированном подвале, за массивной железной дверью в десяти железных коробках и хранилось досье – бомба под преступный мир Мехико.

Архив был огромен и находился явно в беспорядке, его еще предстояло выстроить по определенному плану, а, главное, в таком виде его нельзя было предоставить не только в газету, но и в органы правосудия. Тут потребовался бы большой армейский грузовик и, возможно, не один. Необходимо было не только все разобрать, но и заложить в компьютер и вывести на дискеты. Когда Эрнесто сказал Пачеко обо всем этом, старик довольно хмыкнул:

– Правильно, сынок, вот и займись этим. Я – старой закалки и ничего в этих ваших компьютерах не понимаю, кроме механической пишущей машинки ничего не знаю. Поздно мне уже, а ты давай. Только компьютер придется прямо здесь устанавливать. Ничего выносить нельзя и чужие электронные машины использовать тоже невозможно... А ты что, умеешь на компьютере работать?

– Да не то чтобы очень, но могу подучиться. Но где мы возьмем хороший агрегат?

– Купим. Я найду деньги, двадцать лет копил, как раз для такого случая.

Эрнесто Рохас еще не закончил всю эту выматывающую и кропотливую работу по приведению архива Пачеко в порядок, как понял, что «досье» все же неполно: сведений за прошлый и за этот год было явно маловато.

– Видишь ли, – согласился с ним Бернардо, – основные мои, скажем так, источники информации в полиции и преступном мире уже ушли, кто на пенсию, а кое-кто и в мир иной. Да я уже и не успеваю побывать в день в трех-четырех местах, встретиться с несколькими доверенными людьми, получить сведения, взять документы. Может быть, ты согласишься и тут мне помочь?..

И вот уже два месяца Эрнесто постоянно встречался с несколькими честными офицерами полиции; с отошедшими от дел, чудом уцелевшими в войне мафиозных кланов, но сохранившими ненависть к «молодому выскочке Франческотти» бандитами и мелкими правительственными чиновниками, продающими по сходной цене интересную информацию. Разрозненные сведения, по капельке, складывались в фрагменты, фрагменты со временем все плотнее подходили друг к другу, вырисовывалась целая, с малыми лишь зазорами, картина.

Эрнесто хотелось, очень хотелось рассказать обо всем этом Розе, он знал, что именно она, как никто другой, сможет оценить и весь риск, и все благородство этих тайных его занятий. Но точно так же он знал, что не скажет ей ничего, не потому что боится довериться ей, а потому что не захочет подвергать смертельному риску свою пусть потерянную навсегда, но по-прежнему любимую женщину...

– Из газеты я ушел, работаю в рекламном агентстве, живу с мамой, – коротко сказал Рохас после довольно продолжительной паузы, во время которой они молча пили кофе и смотрели друг на друга.

– Короче ответить нельзя! – засмеялась Роза. – Эрнесто, я и вправду на тебя больше не сержусь, ты был хоть на одном моем концерте?

– Нет, но много раз слышал, как ты поешь, по радио. Чудесно!

– О, радио это – «консервы», ты должен меня услышать в живом исполнении. Через несколько дней у меня концерт в Большом зале, приходи, внизу тебе будет оставлен пропуск. Извини, попрощайся за меня с Сорайдой, я больше не могу ждать, спешу домой: внезапно заболела Кандида, сестра мужа.

Эрнесто похолодел: как раз сегодня утром молодой лейтенант Фабила, горячая ненависть которого к преступникам уживалась с прагматической разумностью, соединил воедино недавние, почти, кажется, случайные смерти четверых женщин и высказал предположение, что могут быть еще жертвы из числа тех, кто был когда-то близок с покойным лицензиатом Роблесом. Но ведь пять лет назад, когда Роблес играл столь зловещую роль для дома Линаресов, кто-то, кажется, упоминал тогда в разговоре, что сестры Линарес были влюблены в лиценциата, как кошки... А что если...

– Роза, это очень важно. Скажи мне, пожалуйста, а не была ли Кандида в свое время связана интимными отношениями с лицензиатом Роблесом?

– ...Да. Но я не понимаю, почему тебя это вдруг заинтересовало. Роблес давно умер.

– Да. Но спустя пять лет после его смерти из жизни уходят и чуть ли не в один день! – три его любовницы и жена.

– Их убили?

– Трудно сказать однозначно, но кое-кто в полиции считает, что им помогли умереть, но доказать это почти невозможно.

Расскажи, как заболела Кандида?

– Ты думаешь, что и ей грозит опасность? Боже мой, я выезжаю немедленно. Потом поговорим.

– Возьми меня с собой, я тоже должен там быть.

– Зачем?

– Позволь мне пока не объяснять этого. Знай только, что это очень важно. В первую очередь для Кандиды, а, может, и для все вашей семьи.

Глаза Розы наполнились непрошеными слезами. Она вдруг испытала чувство опасности.

– Едем, Эрнесто!

Запыхавшаяся Сорайда что-то кричала им вслед, но они уже не слышали ее. «Ягуар» взревел и, нарушая ограничение скорости, помчался по улице.

Глава шестая

– Ничего не понимаю! – доктор Кастильо был не в силах скрыть своей растерянности. – Она должна была бы уже очнуться, действие успокаивающего укола закончилось.

Доктор еще раз прослушал пульс Кандиды, прислушался к ее дыханию, приоткрыл веки и взглянул на зрачки больной. Что-то его очень и очень встревожило.

– Похоже, что шок перешел в кому. Но совершенно не понятно: как это может быть? Ее придется срочно госпитализировать, мне не нравится состояние сердца – за эти часы почему-то произошло редкостное ухудшение. И теперь, боюсь, может произойти даже непоправимое...

Приехала целая медицинская бригада. Не приходящую в сознание Кандиду тут же, в ее комнате, подсоединили к каким-то переносным приборам реанимации и только тогда уложили на носилки и понесли в машину. Доктор Кастильо уехал вместе с ними.

Рикардо наблюдал за всем происходящим не слишком внимательно. Когда он увидел, что Роза входит в дом, погруженная в разговор со своим бывшим ухажером журналистом Эрнесто Рохасом, то ощутил сильный и болезненный укол ревности. Этот человек с ней рядом, они снова встречаются! И это очень серьезно – ведь Роза привела его сюда. Неужели она хочет ввести его в число друзей дома?! Рикардо думал об этом все время, пока доктор Кастильо осматривал сестру, пока работала медицинская бригада, и несколько раз даже порывался подойти к Розе и прямо ее спросить, что делает здесь этот сеньор. Но момент был явно неподходящий, кроме того Рикардо хотелось по каким-нибудь признакам понять: насколько далеко у них уже зашло.

И вот, когда Кандиду увезли, Рикардо заметил, что Рохас дотронулся до руки его жены, что-то сказал ей потихоньку и они отошли в самый угол комнаты и там начали оживленно беседовать. Пренебрегая вежливостью, Рикардо направился к ним и жестко спросил:

– Могу я узнать, что привело сеньора в наш дом и о чем вы так непринужденно беседуете?

– Рикардо! Эрнесто... – тут Роза взглянула на пылающее лицо мужа и слегка запнулась. – То есть сеньор Рохас убеждает меня вызвать полицию, подозревая, что Кандида заболела не сама по себе.

– Какая чушь, Роза! Уж кому-кому, а полиции в нашем доме делать нечего!

– Но сеньор рассказал мне, что на днях умерли многие женщины, которые были близко знакомы с лицензиатом Федерико Роблесом.

– Вот как, – в том же жестком тоне продолжал Рикардо, – и кто же именно, сеньор, можно узнать?

– Можно! – Эрнесто вынул из кармана маленькую записную книжку, открыл ее на нужной странице и прочитал:

– За три дня ушли из жизни Мария Елена Торрес де Роблес, Ирма Дельгадо, Сильвия, бывшая секретарша лиценциата, и Мириам Асеведо.

Рикардо почувствовал озноб от услышанного, но все же не хотел сдаваться.

– Каждый день в Мехико умирают сотни людей – сеньор Рохас. Их что же, всех убили?

– Убийством пока что полиция считает лишь случай с Марией Торрес, ее застрелил и сам застрелился ее сожитель Лопес. Остальные – несчастные случаи: Дельгадо в результате сердечного приступа утонула в ванне, Сильвия не справилась с управлением и ее машина упала в овраг, а Асеведо в результате неосторожности попала под поезд в метро...

– Ну, вот, все прекрасно объясняется. Прискорбное совпадение.

– Не все в полиции так считают. Лейтенант Фабила предполагает, что нельзя исключать: это – хорошо подготовленные преступления. И даже, если это совпадение, то все равно я бы на вашем месте обратился в полицию: случай с вашей сестрой подозрителен.

– К счастью, сеньор, вы не на моем месте! Здоровье Кандиды в руках врачей и я не буду вешивать сюда полицию! И потом: какое отношение ко всему этому имеется вы, сеньор? Вы, что же, работаете теперь не в газете, а сыщиком? Но даже если и так, то я к вам не обращался и не нанимал вас

Роза увидела, как вспыхнул теперь уже Эрнесто. Ссора могла разразиться нешуточная. Она решительно встала между мужчинами.

– Рикардо! С Кандидой несчастье – это главное. Допустим, ты прав, и все это лишь совпадение. Но представь на минуту, что это лишь часть какого-то дьявольского замысла. Меня лично подозрения сеньора Рохаса очень взволновали. Не лучше ли и, правда, вызвать полицию?

– Полиция в доме – это скандал, пятно на репутацию!

– Сеньор Линарес! – Эрнесто уловил, что слова Розы как-то подействовали на мужа. – Можно не делать официального вызова. Лейтенант Фабила приедет по моей просьбе, в частном порядке и без формы.

Было видно, что Рикардо заколебался. Тут в разговор вошел Рохелио, все это время сидевший неподалеку и ко всему прислушивающийся:

– Рикардо! Да Бог с ним! Пусть это будет, как и в моем случае, просто для успокоения. Для того, чтобы Роза не волновалась, а сеньор Рохас осознал, что нервы его перевозбуждены, а воображение избыточно.

– Хорошо. Даю вашему лейтенанту Фабиле час на все, и пусть никаких протоколов, абсолютно частный визит...

Высокий красавец, жгучий брюнет лет двадцати пяти, Фабила появился в доме Линаресов через пятнадцать минут после звонка Эрнесто и сразу же приступил к осмотру дома и беседе с прислугой. Очень быстро он выяснил, что служанка Селия не все время находилась в комнате Кандиды. В слезах девушка призналась, что выходила «на пять минут» позвонить своему жениху.

– Надо было на время вашего разговора, сеньорита, посадить в комнату кого-нибудь другого, – укоризненно ей сказал Фабила.

– Вы предполагаете, лейтенант, что кто-то мог проникнуть к Кандиде во время отсутствия Селии? Но зачем? И ведь никаких следов насилия у сестры незаметно, – стал снова раздражаться Рикардо.

– Я пока ничего не предполагаю, сеньор Линарес, – спокойно ответил Фабила. – Я лишь устанавливаю картину. Тем более, что я еще не видел вашей сестры. После осмотра дома я немедленно отправлюсь в госпиталь.

Осмотр ничего существенного не дал, но лейтенанта явно заинтересовали те слова, какие Роза расслышала из уст теряющей сознание Кандиды. Заинтересовала его и волна настройки приемника. Тут же Фабила установил, что перед тем, как впасть в прострацию, Кандида слушала «Радио 1000».

– Ну и что? – язвительно спросил Рикардо.

– Может быть, и ничего, сеньор Линарес, – остался невозмутимым лейтенант, – но в этом час обычно «Радио 1000» передает сообщения о происшествиях и несчастных случаях. Сегодня же я выясню: говорили ли о смертях женщин, связанных с лицензиатом Роблесом.

– Брат! – включился в разговор Рохелио – Я думаю, что это бы все и объяснило. Ты помнишь, как пять лет назад болезненно реагировала Кандида на все, что было связано с Роблесом и его личной жизнью. Она услышала о смертях этих женщин, вообразила себе неизвестно что и получила шок.

Зазвонил телефон. Трубку сняла Роза:

– Да, дом Линаресов. Да, сеньор Рохелио Линарес находится здесь. Пожалуйста, сейчас он будет с вами говорить.

– Рохелио Линарес слушает. О, вы меня и здесь нашли, детектив Кастро Что-о? Да как же это? Я немедленно выезжаю...

Рохелио побледнел и так и застыл посреди гостиной, продолжая сжимать в кулаке телефонную трубку.

– Эрлинда, – произнес он наконец. – С ней несчастье, отравление газом. Извините, я должен спешить.

– Я с тобой, – решительно сказала Роза, – я сама тебя довезу, что-то мне не нравится твой вид...

Друг за другом вылетели из ворот дома Линаресов «ягуар» Розы, «мерседес» Рикардо и потрепанная «тайота» лейтенанта Фабила с Эрнесто Рохасом на месте пассажира. Полицейский принял решение сначала встретиться с детективом Кастро, а лишь потом посетить госпиталь.

Бенито Элиас Кастро не слишком любил свою прошлую работу в полиции, хотя дело свое делал всегда добросовестно и был на хорошем счету у начальства. Ему не хватало в полиции свободы действий, а, главное, свободы мыслей. По поводу почти каждого преступления, в расследовании которого принимал участие и он, у Кастро появлялись свои соображения, но ими мало кто интересовался даже тогда, когда в конце концов выяснялось, что прав-то был именно он, сержант Кастро. И получалось, что чем дальше он служил, тем больше был в конфликте – и не столько с начальством, сколько с самим собой. «Чего же я хочу? – спросил он однажды себя и тут же ответил: – Заниматься тем же самым, но в одиночку, никому не подчиняясь и делая лишь то, что считаю нужным». Немного было жаль десяти лет в полицейском районном управлении в колонии Рома, но лицензия частного детектива была куда как заманчивей для человека его склада характера – самостоятельного и волевого.

Но каково же было разочарование Бенито Элиаса Кастро, когда он на самом себе испытал не столько увлекательность, сколько рутинность и прозаичность обычных занятий частного детектива.

Как правило, его нанимали для слежки: муж хотел знать, что подельывает жена в его отсутствие, жена хотела иметь доказательства неверности супруга, любовница подозревала, что она не одна у своего пылкого кавалера, бизнесмен хотел убедиться, что партнер не надувает его, и все такое прочее. Иногда дело было интересным по своим деталям, по техническим трудностям, которые приходилось преодолевать, но в общем и целом Кастро занимался подобной работой лишь по финансовой необходимости. Житейская грязь претила ему и, как только средства позволяли, детектив избегал такого рода поручений, предпочитая ничего не делать, чем участвовать в разрушении семей, впрочем, и без того уже фактически рухнувших.

Как ни странно, самые интересные и загадочные дела приходили к Бенито из полиции. Сначала прежние сослуживцы, потом и офицеры других участков уголовной полиции, время от времени рекомендовали обратившимся к ним людям связаться с частным детективом Кастро. Это происходило не столько по старой дружбе, хотя и по дружбе тоже, сколько по необходимости предпринять хоть что-то тогда, когда у обратившегося в полицию не было, по сути, ни фактов, ни даже предположений, а только тревога и беспокойство.

Вот и сейчас у него появилось одно такое загадочное дело. Очень красивая и богатая сеньора, которой ни за что нельзя было дать ее сорока лет, донья Фелиситас де лос Анхелес Сильва обратилась в полицию по поводу исчезновения мужа, талантливого ученого микробиолога. Полиция пошла по следу и обнаружила сначала, что пропавший сеньор Сильва по-прежнему пользуется своим банковским счетом, а потом увидела и самого его в одном из лучших ресторанов в обществе очаровательной блондинки. Донья Фелиситас сообщили, что муж

ее жив и здоров, скорей всего, он решил покинуть ее и, очевидно, скоро он к ней обратится по поводу развода. Сеньора Сильва умоляла полицейских только об одном: дать ей нынешний адрес или телефон ее мужа. Но в полиции заявили, что это не их дело и направили встревоженную женщину к частному детективу Кастро.

Донья Фелиситас де лос Анхелес Сильва не изображала горящую негодованием брошенную жену, похоже, ей вообще было чуждо всякое притворство. «Поверьте, сеньор Кастро, – сказала она, – если бы у мужа кто-то появился, он бы прямо и честно сказал бы мне об этом. Мигель не тот человек, который способен завести тайные интрижки. Мы женаты двадцать лет и всегда во всем доверяли друг другу. Потом... женщина всегда чувствует такие вещи, когда мужчина начинает охладевать к ней. Ничего подобного не было. Хотя у нас и нет детей, Мигель никогда не переставал меня любить, а в последнее время стал нежен даже более, чем в молодости. Скажу даже больше, сеньор Кастро, он жил только своей работой и мной. Даже если предположить невозможное, что он охладил ко мне, то как же он мог одновременно пренебречь еще и делом всей своей жизни – наукой. Ведь он работал в лучшей подобной лаборатории в Мехико и вот неделю назад они получили с каким-то посыльным его собственноручное послание об увольнении. Полиция считает, что он, достаточно состоятельный, чтобы не работать, просто-напросто сменил подругу и весь образ жизни. Но, поверьте, для Мигеля эта работа значила всегда больше чем... чем все остальное...»

И Бенито Элиас Кастро поверил этой красивой, дородной женщине и начал свое расследование. Довольно скоро он выяснил, что сеньор Мигель Сильва, ничуть не прячась, появлялся за это время еще в двух ресторанах отелей Мехико: в «Гамбурге» и «Ницце». Видели его также в устричной у моста Инсурхентес. Внешность у него была достаточно яркая, а потому его легко узнавали на фотографии и служащие отелей, и официанты ресторанов. «Да-да, – говорили они Кастро, этот сеньор у нас был, исключительно дорогой, изысканный заказ, лучшие блюда и вина, очень щедрые чаевые... Да, сеньор был не один, с очень хорошенькой спутницей – блондинка, лет двадцати трех, дорогое платье, украшения с бриллиантами...»

Кастро давал им деньги и просил позвонить, как только сеньор Сильва появится в их заведении снова, но в глубине души не слишком на это надеялся и наугад заходил в самое разное время дня и вечера в другие шикарные рестораны, бары и устричные колонии Рома и Розовой Зоны, слепо и суеверно веруя, что рано или поздно ему повезет. А донья Фелиситас, не скупясь, оплачивала любые его расходы, но не скрывала и своего недоумения: никогда ее муж не был не только гурманом, но и вовсе считал большие обеды расточительством времени и тратил на еду как можно меньше времени. Представить его регулярно обедающим и ужинающим в ресторане, где прием пищи – целый обряд, такому сеньора Сильва отказывалась верить, несмотря на все факты. Так или иначе, главное и единственное пожелание ее было, чтобы детектив Кастро нашел ее мужа и сообщил его местонахождение ей, вот и все.

Когда рано утром Рохелио Линарес позвонил ему и рассказал о страхах своей жены, первым желанием детектива было отказаться: не в правилах Кастро вести сразу несколько дел. Но те же внутренние правила гласили: никогда не отказывать старым клиентам. Решив, что в расследовании с Мигелем Сильвой все равно наступила пауза – вчера Кастро раздал его фотографии двум десяткам уличных торговцев, размещавшимся поблизости от хороших ресторанов и кафе, – детектив, скрепя сердце, дал согласие Рохелио Линаресу и тут же выехал к его дому.

Если бы не десятки операций, в каких он сам был и в роли того, кто «пасет» «объект», и том, кто раскрывает слежку за своим клиентом, Кастро бы не почувствовал того, что в данном случае все обстоит куда как серьезно. Он привык верить своему подсознательному чутью, внутренней тревоге, возникающей при обнаружении и анализе самых незначительных признаков опасности, грозящей тому, кто обратился к нему за помощью. Сейчас эта внутренняя тревога была сильна, как никогда. Смертельную угрозу уловил Бенито Элиас Кастро вокруг дома,

в котором жила Эрлинда Линарес с сыном Артуро и мужем Рохелио. Жаль, что ему не удалось убедить в этом сеньоров Линаресов, может быть, тогда бы они и были бы с ним более откровенны и дали хотя бы ниточку к загадке – кому и зачем надо преследовать сеньору Эрлинду да еще в ее интересном положении. Конечно, позже он обо всем узнает, а сейчас у него одна задача: уберечь сеньору от покушения, если такое готовится, и выяснить поточнее: кто за ней следит и на кого работает.

Вернувшись из офиса «Рироли», Кастро переговорил с агентом Рочей, выяснил, что ничего подозрительного не происходило: фургон стоит на одном месте, а тип из кафе напротив все там, бутылка перед ним уже почти пуста. Наказав Роче не спускать с трезвого пьяницы глаз, детектив, оглядевшись по сторонам, поднялся к Эрлинде.

– Сеньор Кастро, – сказала она, – я очень беспокоюсь за сына. Можно, я отведу его к соседям. Там муж работает дома, две служанки и маленький мальчик, с которым мой Артуро с удовольствием играет. В пять часов я должна буду уйти к врачу, мне не хотелось бы брать сына с собой. Вы понимаете меня?

– Понимаю, сеньора, и согласен о наших действиями, хотя мне и не кажется, что за вами следят с целью похищения вашего мальчика. Но лучше уж подстраховаться. Я подожду, когда вы выйдете из дома и незаметно проследую за вами к врачу и обратно. Может быть, это поможет обнаружить преследователей.

Кастро вошел в кафе, сел за столик, заказал филе под грибным соусом и кока-колу. Ни Рочи, ни его «подопечного» там уже не было. Детектив, не торопясь, ел – до пяти еще было немного времени. В семь минут шестого он закурил вторую сигарету подряд: Эрлинда должна была уже появиться, но ее не было и это начинало беспокоить сыщика. В пятнадцать минут шестого он сорвался с места и, не оглядываясь, ринулся к знакомому дому. Лифт, еще сорок минут назад вполне исправный, застрял где-то между этажами и, чертыхаясь, Кастро понесся вверх, перепрыгивая через две ступени на третью.

Запыхавшись, он с разбегу позвонил в дверь и отчетливо услышал, как трель гулко прозвучала внутри. Никакого движения навстречу к двери Кастро не услышал, а чуткий нос детектива уловил какой-то резкий, специфический запах, понемногу выходящий на лестничную площадку. Не раздумывая ни минуты, сыщик разбежался и с налету высадил довольно-таки крепкую входную дверь и этот запах, теперь ничем не удерживаемый, ударил в носоглотку уже в полную силу: газ. Кастро бросился на кухню и едва не споткнулся посередине ее об тело женщины. Он выключил на полную мощность включенные четыре конфорки, перекрыл кран подачи и распахнул окно. Поднял Эрлинду на руки и понес ее в большую комнату, где газа было меньше, а потом распахнул лоджию, бросил на ее пол подвернувшийся плед с дивана и опустил на него находящуюся без сознания беременную жену Рохелио Линареса.

Пульс был, она дышала. Кастро вызвал по телефону скорую помощь, открыл окна во всех комнатах и стал обследовать помещение. Он не верил и никогда не поверит, что здесь произошел несчастный случай или, скажем, покушение на самоубийство. Но если он опоздал, если сеньора Линарес не придет в себя, то полиция так и посчитает: либо несчастный случай, либо самоубийство. Ибо только Эрлинда может рассказать, что с ней произошло, как она оказалась в кухне на полу и кто открыл газ. Следов взлома на двери никаких, не похоже, что кто-то проникал и через лоджию. Значит, она сама открыла дверь, а, уходя, преступник ее захлопнул? Но он же сам инструктировал сеньору никому не открывать, не услышав, кто это, и не посмотрев в глазок. Значит, значит это был кто-то знакомый ей?.. Что толку предполагать, вот если бы она поскорее очнулась и рассказала, если бы сейчас он не должен был ожидать «скорую», а провел бы немедленное расследование: может, кто-то видел человека, выходящего из квартиры или хотя бы из дома? В полицию можно будет позвонить и попозже, а вот сеньор Рохелио Линарес, его заказчик, пусть прибудет немедленно!

В комнате находилось немало людей, но все они молчали, глядя, как молоденький врач и пожилая сестра милосердия пытаются привести в чувство Эрлинду, которую перенесли с лоджи на диван.

Роза корила себя, что уже длительное время не видела подруги, довольствовалась одними лишь телефонными разговорами. Неужели ей кто-то рассказал, что Рохелио ей снова изменяет и бедняжка Линда решилась на самоубийство? Нет, даже если она все узнала, она бы не сделала роковой шаг, не оставила бы одного маленького Артуро. Кстати, надо будет сейчас же забрать его к себе, он в квартире этажом выше, так сказал детектив Кастро...

Рикардо держал Розу за руку, ничего не хотел думать о происходящем, и решал все ту же задачу: каковы взаимоотношения его жены и этого, невесть откуда снова свалившегося на его голову щелкопера Рохаса?

Рохелио отчаянно защищался от укоров совести и заставлял себя всю тревогу, обиду и боль перенести со своей персоны на другого, внушить самому себе, что этот другой виноват в случившемся куда более, чем он, неверный и легкомысленный муж той женщины, которая лежала сейчас без сознания.

Детектив Кастро старался не замечать пылких и гневных взглядов Линареса и решил отложить свой разговор с ним на завтра. Сыщик незаметно кивнул лейтенанту Фабиле, и они потихоньку вышли из комнаты, а потом и из квартиры. Эрнесто Рохас заметил их движение и, как ни хотелось ему побыть сегодня с Розой, отправился следом за ними.

Разговаривая вполголоса, Фабила и Кастро, методично обходили окрестности, внимательно осматривая все вокруг. Эрнесто шел следом за ними в двух метрах. Шестое чувство подсказало детективу заглянуть в густые кусты сквера сбоку от дома, где произошло несчастье. В этих кустах лежал, как спал, его опытный агент Роча. Никаких следов насилия на нем не наблюдалось, не было видно не только крови, синяков, ссадин, но не наблюдалось даже малейшего ушиба. Был пульс, слабое дыхание, но в себя он не пришел даже от крепкого нашатырного спирта, поднесенного ему в небольшом пузырьке Фабилой – лейтенант возил в своей «тайоте» много чего, что может пригодиться человеку его профессии.

– Обратите внимание, коллега, – сказал он, обращаясь к Кастро, – бессознательное состояние вашего агента и сеньоры Эрлинды Линарес очень схожи, хотя известно, что она отравлена газом, а что с ним – непонятно. Не удивлюсь, если окажется, что сеньора Кандида Линарес (а они ведь родственники, хотя и не кровные) находится в том же, что и они, состоянии. Я не готов сейчас высказать ни какую версию, но я принимаю решение всех их поместить в одном госпитале, тщательно охранять и хорошенько исследовать: не сунули ли им куда-нибудь в организм какую-нибудь гадость?

– Согласен с вами, лейтенант. Займитесь сейчас этим, а потом, как освободитель, позвоните мне, попробуем составить фоторобот, кажется, я видел в забегаловке напротив именно преступника. Во всяком случае агент Роча следил именно за этим человеком...

Глава седьмая

Какое жаркое утро! Девять часов, а дышать уже совершенно нечем. Паулетта Мендисанбаль сидела в саду своего дома и ожидала прихода поверенного Фелипе Аревало. Мысли ее были грустны, а самочувствие ужасно. Сколько было счастья в ее жизни пять лет назад, когда ей удалось, наконец, найти Розу, какие радужные планы на будущее она строила! Роза горячо и пылко ответила на материнскую любовь, но отвергла все попытки опекуинства над собой, самого мягкого, бархатного диктата со стороны Паулетты. Ей хотелось добавить Розе то, что она не получила, будучи разлученной со своей семьей: хорошее воспитание, положение в свете, счет в банке. Взамен ей хотелось, чтобы Роза во всем и всегда слушалась ее. Но вышло совсем по-другому. Стоило Паулетте только однажды, случайно почти, упрекнуть Розу в нищем прошлом, в том, что она не слишком благодарна, как та исчезла, предпочитая свободе поведения все остальное. И Паулетта, чтобы не потерять Розу во второй раз, смирились со всем, раз и навсегда решила ни в чем и никогда не упрекать дочь и помогать ей во всем, даже в том, что самой ей кажется неразумным. Ведь девочке столько пришлось пережить и до встречи с ней и потом, когда она во второй раз ушла из дому и дважды была на волоске от смерти.

С появлением Розы жизнь ее семьи переменилась, пожалуй, не в лучшую сторону. Сначала решительно решил уйти из дома, уехать в США и начать свою собственную жизнь ее пасынок Пабло. Лишь много позже, и то почти случайно, от служанки Имельды Паулетта услышала, что Пабло, еще до того, как выяснилось, что Роза – ее дочь, пытался ухаживать за девушкой, но потерпел сокрушительную неудачу. Роке, отец Пабло и ее муж, хотя и старался не показывать виду, тяжело переживал уход сына, которого надеялся видеть наследником и продолжателем своей фирмы «Недвижимость Мендисанбаль», они меньше стали разговаривать с мужем и нередко Паулетта замечала, что он чаще стал прикладываться к виски и другим горячительным напиткам.

Роза была близко, в десяти минутах езды, но встречались они в последнее время довольно редко. Паулетта не одобряла занятие, выбранное дочерью: где это видано, чтобы замужняя женщина ее происхождения и положения в обществе, мать двоих детей, отрывалась от семьи и пела не в своей гостиной, а на публичной эстраде! Один раз она пыталась по этому поводу заговорить с Розой, но тут же и оборвала себя, натолкнувшись на мгновенно возникшую боль и печаль в глазах дочери. Еще хуже было, когда Паулетта узнала, какие огромные деньги, по сути ведь ее деньги, свадебный подарок, истратила Роза на приобретение ничего не приносящего земельного участка, захваченного «парашютистами». Узнала от мужа, Роке, всю жизнь занимающегося недвижимостью и просто вышедшего из себя по случаю подобной «сделки.» Паулетта направила тогда Фелипе Аревало решительно поговорить с Розой и потребовать у нее передать все бумаги фирме «Недвижимость Мендисанбаль» – Роке видел возможность вернуть большую часть истраченных средств. Аревало скоро добился согласия у мужа Розы, но и вдвоем с Рикардо они не сумели уговорить ее дочь пойти на попятную. И целых три месяца после этого сама Роза Паулетте не звонила.

Гораздо чаще, чем дочь, видела сейчас сеньора Мендисанбаль внука и внучку, раз в неделю их привозили на обед и прогулку в саду в ее дом. Но – и в этом стыдно было признаться – Паулетта никогда не умела обращаться с маленькими детьми: Роза исчезла из ее жизни грудной, а появилась взрослой; когда она выходила замуж за Роке, то пасынку было уже шесть лет и она не занималась воспитанием Пабло. Так что она скорее наблюдала за чудесными двойняшками Розы, нежели была для них бабушкой в полном смысле.

А вчера, после долгого перерыва, в ее комнату вошел Роке и попросил большую сумму в долларах с ее счета для Пабло, открывающего в Бостоне свое дело. «Я могу, конечно, – сказал

он, – продать „Недвижимость Мендисанбаль“, но это потребует немало времени, и потом, разве ты не считаешь Пабло своим сыном, разве он чужой для тебя?»

Паулетта поняла куда больше, чем он сказал, она почувствовала все, что думал, чем терзался ее ни в чем не виноватый муж. Продать фамильную фирму значило для него – потерпеть крушение, потерять в жизни любимое занятие, цель и смысл, пять лет назад он не только не препятствовал ей щедро дарить Розу, но и добавил еще в этот дар солидный пакет акций своей компании... И вот она приняла решение и ждала в саду своего поверенного.

Девять часов тридцать минут. Фелипе Аревало, как всегда, точен и немногословен:

– Сеньора, вы вправе это сделать. Но вы должны понимать: переводом этой суммы своему пасынку Пабло вы практически оголяете свой счет в банке и...

– И мне нечего будет отдавать в своем завещании – это ты хотел добавить, Фелипе? Что ж, пусть будет как будет, моя дочь Роза распорядилась теми деньгами не слишком благодарно, ведь так, Фелипе? И если что случится со мной, то Роке поможет ей вернуть утраченное, снова продав «парашютный» участок, оформляй документы. Возможно, мой пасынок окажется более разумным и благодарным, чем моя дочь...

Рикардо не замечал жары, он даже забыл включить кондиционер в офисе. Все идет наперекосяк. Утром он настроился на доверительно-нежный разговор с Розой, но потом не сдержался и говорил почти грубо, потребовав объяснений в связи со вчерашним посещением их дома журналистом Эрнесто Рохасом.

– Кто он тебе, Роза, кто?! – кричал Рикардо. Я требую, чтобы он никогда больше у нас не появлялся, и хочу, чтобы ты не виделась с ним больше ни при каких обстоятельствах!

– Он тебе не нравится, Рикардо? Но почему?

– Потому что я твой муж и не хочу видеть рядом с тобой подобных поклонников!

– Да, он ухаживал за мной, но это было уже давно, да и тогда мы были только друзья!

– А я хочу, чтобы у нас были только общие друзья!

– Но так ведь нельзя, милый!

– Нет, Роза, я требую, чтобы ты порвала с Рохасом!

– Так ты ревнуешь? – Роза улыбнулась и чмокнула его в щеку. – Но это ведь глупо. Неужели ты можешь мне не доверять после стольких лет жизни, после всего, что мы пережили пять лет назад?

– Я тебе верю, Роза, но... но как тебе объяснить...

– Рикардо, говорю тебе снова и снова: я всегда буду тебе верна, я люблю только тебя. Но разреши мне самой выбирать себе друзей. А сейчас извини, дорогой, я уже опаздываю на репетицию, а мне еще надо поцеловать детей. В два часа встречаемся в госпитале...

До двух часов было еще далеко, он сидел один в душном помещении и с неудовольствием припоминал подробности утреннего разговора. ^ чем же он не прав? Почему он не может добиться от своей жены, чтобы хоть в чем-то она прислушивалась к его мнению? В конце концов она уже распорядилась, не посчитавшись с ним, огромной суммой, выбросила ее на нищих «парашютистов»! Она выбрала себе публичную профессию, хотя, видит Бог, он никогда этого не хотел! Неужели она теперь будет окружать себя поклонниками – мужчинами, черт побери! – а он должен будет при этом сидеть где-то в уголке и вида не показывать, что ему не нравится что Роза дарит свое внимание кому-то другому. Нет-нет, уж этому-то он будет противостоять до конца!

– Да! Рикардо Линарес слушает!

– Брат! Это Рохелио. посоветуй, что мне делать. Я сейчас на пути к детективу Кастро. Я считаю, что он виноват в том, что произошло с Эрлиндой, и намерен устранить его от расследования. Пусть всем занимается лейтенант Фабила, я готов оставить в полиции официальное заявление.

– Не горячись. Лучше припомни, как ты продержал Кастро вчера в офисе, целый час не принимая его, и не совсем искренне ответил на его вопросы, поверь, Рохелио, для нашей семьи гораздо лучше иметь дело с частным детективом, нежели с полицией. К тому же этот Фабила, судя по всему, и в частном порядке вцепился уже, как клещ!

– Хорошо, Рикардо. Я пока не буду давать расчет детективу Кастро, но к лейтенанту Фабиле все-таки тоже заеду. Он мне внушает полное доверие.

– Ладно, поступай, как знаешь, но постарайся побыстрее освободиться. Жду тебя здесь...

Разговор с братом испортил настроение Рикардо еще больше. Теперь еще и полицейские ищейки полезут в их жизнь. Боже мой, что же происходит? Кандида, Эрлинда – без сознания, брат – сплошной комок нервов, Роза приводит поклонников, а он, он, кажется, действительно ревнует.

Размышляя так, он почти автоматически вскрывал и просматривал почту фирмы. Ничего срочного и существенного, все может подождать. Последний конверт был без обратного адреса. Вскрыв его, Рикардо увидел грязный рисунок: обнаженная женщина в непотребной позе, а вместо головы вырезанное из газетной фотографии лицо Розы и ниже подпись печатными буквами: «Роза Гарсиа Монтеро де Линарес – шлюха!»

Кровь бросилась Рикардо в голову, ему казалось, что он теряет сознание, перед глазамиплыли красные крути, минут пять он сидел, не двигаясь, потом схватил бумагу с грязным рисунком, порвал на мелкие клочки, прошел в туалетную комнату и спустил эти клочки в унитаз. Тщательно вымыл и насухо вытер руки, прошел к бару и налил из первой попавшейся бутылки полстакана спиртного и припал к нему, как пьяница с глубокого похмелья.

Частный детектив Кастро был готов к разговору с Рохелио Линаресом и заранее знал все то, что тот ему скажет. Готов он был и к тому, что сеньор Линарес объявит, что больше не нуждается в его услугах и дает сыщику расчет. Но этого, к удивлению Бенито, все-таки не произошло, хотя Рохелио, пылая от благородного гнева, не скрыл от детектива, что мало верит в эффективность его расследования и сегодня же подаст официальную просьбу лейтенанту Фабиле включиться в это дело полиции.

– Тем лучше, – ответил Кастро. – Чем больше людей станут этим заниматься, тем больше надежды, что будет достигнут результат.

Сеньор Линарес пожал плечами, выписал ему чек и отправился к своему автомобилю. Кастро же закурил и задумался, да, лейтенант Фабила имеет хватку, в его время в полиции таких почти не было, да и сейчас там настоящих профессионалов по пальцам пересчитать. Но, по правде говоря, это он лишь для успокоения нанимателя сказал, что чем больше народу будет занято в расследовании, тем эффективнее. Ничего подобного. Чем больше будет суеты, тем скорее преступники обнаружат преследование и заметут следы. В этом деле, говорило ему чутье, требуется большая осторожность, надо выверять каждый свой шаг. Вон агент Роча, далеко не новичок и никому бы не дал себя свалить с ног так просто, да и оружие у него было. И что же? Роча спит в кустах, как младенец, а кобура под мышкой у него и не расстегнута, да если бы Рохелио Линарес и прекратил платить, разве бы Бенито Элиас Кастро оборвал бы это расследование? Нет! Во-первых, потому, что пострадал и его человек, агент Роча. А во-вторых, не в его правилах бросить то, что и его самого заинтересовало, на полпути... Задребезжал еле-еле его старенький телефон. Эх, давно пора поставить в бюро японскую технику...

– Кастро слушает!

– Сеньор, это беспокоит Эйженио, торговец с улицы Такуба. Только что в ресторан «Гвадалахара» вошел тот мужчина, карточку которого вы мне дали. Я могу получить свои десять долларов?

– Получишь пятнадцать, Эйженио, если ты не ошибся. Сейчас я буду, но еще ведь время завтрака. Вдруг он выпьет только кофе? Слушай, тогда последуй за ним, я увеличу вознаграждение.

– Хорошо, сеньор!

Детектив набрал номер доньи Фелиситас де лос Анхелес Сильва, сообщил, что немедленно ждет ее на улице Такуба, рядом с входом в ресторан «Гвадалахара», поймал такси – его старенький «вольво» был в ремонте – и ринулся туда, где расположился позавтракать искомый сеньор ученый Сильва.

Ресторан был почти пуст в этот час, так что Кастро быстро нашел человека с фотографии. Беспокоиться, что тот скоро уйдет отсюда, не приходилось: сеньор заказал столько, что впору было считать его завтрак обедом на двоих. Сыщик подозвал официанта, заказал себе яичницу с ветчиной, хлеб с маслом и двойной кофе. Вот на этот столик подадите, – показал он через один стол от того, за которым сидел Сильва. – А я сейчас позвоню и вернусь».

Впрочем, «звонить» не пришлось, донья Фелиситас уже ждала его у входа в «Гвадалахара». Кастро внимательно посмотрел на женщину: она выглядела спокойной и уверенной, но опытный взгляд мог бы отметить излишнюю бледность, дотронувшись же до ее руки, сыщик ощутил подземный холод. «Идите за мной, сеньора. Я сяду за свой столик, а ваш неподалеку, сами увидите».

С утра довольствовавшийся лишь стаканом апельсинового сока, детектив тут же принялся уплетать яичницу с ветчиной, внимательно наблюдая за тем, как сеньора медленно опускается на стул напротив мужа, долго и внимательно смотрит на него, а затем заговаривает. Тот смотрит на нее несколько удивленно, а потом что-то, так же негромко, отвечает, Донья Фелиситас говорит еще что-то, а потом поворачивается всем корпусом в сторону детектива, глаза ее на редкость выразительны: даже если бы она не покалывала еще при этом пальцами, Кастро бы все равно догадался, что она зовет его на помощь. Он вскакивает, делает два больших шага и усаживается на фигурный стул рядом с супругом сеньоры.

– В чем дело? – спрашивает, не повышая голоса, сеньор гурман. – Не мешаете мне завтракать, вокруг много свободных столиков.

– Этот сеньор подтверждает, что его зовут Мигель Сильва, но при этом он видит меня впервые, Впрочем, как и я его, – отчетливо произносит красивая женщина. – Что ж, разрешите в таком случае представиться: я Фелиситас де лес Анхелес, двадцать лет как супруга сеньора Сильвы, ученого-микробиолога. Кто вы? ... что вы сделали с Мигелем?

Тот жует и смотрит на донью Фелиситас пустыми, ничего не выражающими глазами, потом берет салфетку, вытирает губы, и неожиданным прямым ударом в челюсть укладывает детектива на пол, перепрыгивает через него и бежит к выходу. Кастро поднимается, ощущая как из разбитой губы начинает сочиться кровь, и бежит за мнимые сеньором Сильвой следом. К счастью, тот без машины и хорошо виден на улице Такуба. Он замечает преследование и вскакивает в автобус, Кастро растерянно смотрит вслед, но тут рядом с ним тормозит машина: слава Богу, сеньора Сильва – женщина сильная и находчивая... Чуть было не упустили: лжеученый выскочил из автобуса на перекрестке у светофора и кинулся вправо, к станции метро. Развернуться было негде и Кастро покинул автомобиль, наказав сеньоре дожидаться его с бюро.

Дальше все было делом техники. Кастро вскочил в тот же поезд подземки, спрятался за веселым бородачом у окна в противоположный вагон, где ехал двойник Сильвы, и спокойно наблюдал до станции «Боливар». Там его клиент вышел, несколько раз обернулся, не обнаружил преследования и спокойно отправился наружу. Кастро незаметно держался за ним на расстоянии двадцати метров. К счастью, тот снова не воспользовался машиной, да и не было такси поблизости...

Детектив едва успел укрыться за киоском: лжеСильва остановился, посмотрел по всем сторонам и нырнул в подъезд старого доходного дома без лифта. Кастро подождал минуту

и двинулся следом, стараясь ступать бесшумно. Тихие шаги затихли где-то на третьем этаже, щелкнул замок двери, кажется, справа. Ну, что ж, теперь он знает, где искать. Черт, как плохо, что у него нет переносного радиотелефона, придется воспользоваться автоматом на углу: без лейтенанта Фабила ему трудно войти в квартиру на законном основании. Ничего, из этой будки подъезд хорошо просматривается...

Они показали фотографию Сильвы старику из левой квартиры на третьем этаже, «этот сеньор уже месяц, как мой сосед, он живет напротив... Нет, я не знаю, как его зовут. Мы только кланяется друг другу. Сеньор не часто выходит из дома»... На звонок в дверь никто не отозвался. Лейтенант Фабила, хмыкнул и достал из своего кейса отмычки.

Посреди грязной, захлавленной, полной остатков еды кухни им предстала уже знакомая картина: мнимый Сильва лежал на полу без сознания и без следов насилия на лице и теле, пульс был, дыхание было, но человек не реагировал ни на что.

– Карамба! – воскликнул Фабила. – Это уже какая-то чертовщина! Но ведь тот, кажется, никак не был связан с Линаресами?..

Глава восьмая

Большой тенистый, очень старый, но и очень ухоженный сад с аллеями и тропинками, с удобными скамьями и беседками в тени платанов и разросшихся высоких акаций. Чистая благодать посидеть в таком саду в жаркий день, глядя сквозь ажурный купол беседки в проплывающие высоко в синем небе пышные облака. Можно даже позабыть, что вокруг этого райского сада, с фонтанами и фонтанчиками, шумит, тяжело дышит наполненный бензиновым смогом, многомиллионный город. Но нельзя забыть, что прекрасный этот сад – сад скорби и печали, ведь все аллеи и тропинки в конечном счете приведут вас к трем старым и двум новым госпитальным корпусам. И в положенный час на этих аллеях и тропинках гуляет, на этих лавочках и в этих беседках сидит не слишком много людей в больничных халатах и их посетителей: так уж получилось, что в последние годы врачи этого госпиталя занимаются большей частью самыми трудными, самыми безнадежными случаями.

В подавленном состоянии духа пришли в большую розовую беседку Роза, Рикардо и Рохелио. Только что они побывали в отдельных палатах, где лежали Кандида и Эрлинда. Положение их было без изменения – слабый пульс, редкое дыхание, большая бледность, несмотря на то, что они были подключены к внутривенному питанию. Дежурный врач на все вопросы ничего определенного не ответил, сказал лишь, что ухудшения, по сравнению со вчерашним днем, не произошло. Рикардо порывался пройти к главному врачу, но из двери кабинета того вышел лейтенант Фабила и попросил всех их подождать в саду в розовой беседке. И вот они, молча, сидели и ждали уже пятнадцать минут.

– Да, сеньоры, – заканчивал тем временем беседу с Фабилой, Кастро и Рохасом главный врач госпиталя молодой профессор Густаво Педро Матеос, – все это, во всех четырех случаях, с двумя мужчинами и двумя женщинами, абсолютно схоже по симптомам. Но наши анализы пока не дают мне основания назвать конкретное заболевание: все органы у них работают, но в очень ослабленном режиме, как будто кто-то дал команду организму и он стал выполнять свои функции лишь на пятнадцать процентов. Но это все-таки не кома, как предположил уважаемый доктор Кастильо, это неизвестно что и больше всего похоже на пресловутый летаргический сон.

– Профессор, – спросил детектив Кастро, – а проведено ли уже исследование на яды?

– Да, по просьбе полиции мы начали такое исследование, оно еще не закончено до конца, но, похоже, о привычных и известных нам отравляющих веществах в данном случае говорить не приходится.

– А есть ли следы уколов на теле? – задал свой вопрос Фабила.

– Что считать уколами, сеньоры? Ярко выраженный медицинский укол виден на сгибе руки у сеньориты Кандиды Линарес, но мы знаем, что его делал, вводя в вену успокаивающее, домашний доктор Кастильо. Роча и неизвестный, доставленный последним, мужчины, они бреются, следовательно, у них всегда есть микропорезы, из которых даже кровь не сочится, и видны они лишь под сильным увеличением. Сеньора Эрлинда Линарес – домохозяйка, а, значит, чем-нибудь да должна немного уколоться за день. В большинстве случаев мелкие бытовые уколы, сеньоры, практически безболезненны и потому мы чувствуем лишь самые существенные из них: от иглки, ножниц или разбитого стекла.

– Но яд, если правильно понимаю, – снова вступил в разговор Кастро, – можно ввести в организм и с помощью микроукола?

– Теоретически – да, но это потребует специального устройства и очень концентрированного яда. На кончике простой иглы вы сколько-нибудь долго никакое вещество не сохраните, а еще ведь игла – не шприц со столькими-то кубиками растворенного препарата... Я догадываюсь, сеньоры, вокруг да около чего вы ходите. Вы предполагаете, что моих пациентов парали-

зовали, погрузили почти в летаргический сон, сделав им уколы и введя таким образом в кровь неизвестный науке яд. Все это очень может быть, но лишь при наличии грандиозной лаборатории и классных специалистов, изготавливающих и это таинственное опасное зелье и приспособление для его незаметного введения в организм. Но согласитесь, сеньоры, что это реально лишь в фантастическом фильме. Подобную лабораторию, исследования и затраты такого рода может позволить себе только государство, да и то не каждое... На этом прошу меня извинить, сеньоры, – время обхода больных. – профессор Матеос церемонно поклонился первым вышел из кабинета.

– Несмотря на все сказанное профессором, мы не должны версию с отравлением неизвестным ядом сбрасывать со счетов. Если хотите, то меня этот разговор еще больше в том убедил, – сказал детектив Кастро.

– Объясните подробнее, – заинтересовался Фабила. Кастро бросил быстрый взгляд на Рохаса. Лейтенант улыбнулся: – от этого молодого человека у нас не должно быть тайн. Поверьте, сеньор сыщик, он уже знает побольше нас с вами и, вполне возможно, поможет нам дойти до цели. Будем считать его полезным детективом-любителем или лучше детективом-стажером.

– Хорошо, лейтенант, да тут и нет особой тайны. Я не успел вам рассказать, но пропавший муж моей уважаемой клиентки, тот самый, за которого выдавали обжору, лежащего сейчас в госпитале, является известным ученым микробиологом. Я как услышал про то, что для таких дел нужна уникальная лаборатория и хорошие мозги, так чуть не подпрыгнул! Надо вам подключиться, лейтенант, к поискам Мигеля Сильвы, а они, скорей всего, и приведут нас туда, где готовят такие штучки-дрючки, от которых люди впадают в летаргический сон!

– Допустим, сеньор Кастро, допустим. Все это, действительно, крайне интересно, по как вы объясните, что жертвами таинстве иного воздействия стали именно Кандида Линарес и Эрлинда Линарес, сестра и жена Рохелио Линареса?

– У меня пока что нет версии на этот счет. Какой-то свет, я уверен, могли бы пролить братья Линаресы, я пробовал с ними говорить, но безуспешно, попробуйте вы, лейтенант Фабила. Кстати, нам уже пора выйти к ним, нас уж заждались.

– Сеньоры, – наконец-то подал голос Рохас, – а разговаривал ли кто из вас с Розой?

– Женой Рикардо Линареса, певицей, – уточнил полицейский. – Нет еще.

– Позвольте это сделать мне, мы старые знакомые и, кажется, друзья. Только вот... – Эрнесто загнулся.

– Смелее, молодой человек! – приободрил его Кастро.

– Только вот сделайте так, чтобы инициатива этой беседы исходила не от меня, чтобы мне это было поручено.

– Будет сделано! – засмеялся забила и подмигнул Рохасу...

– Сеньора и сеньоры, – объявил лейтенант, войдя в розовую беседку, – прошу нас извинить, что заставили себя ждать, профессор Матеос не теряет надежды на улучшение самочувствия больных и лично наблюдает их... А сейчас мы должны поговорить с каждым из вас в отдельности. Детектив-стажер Рохас, пройдите в соседнюю беседку и задайте вопросы сеньоре Розе Гарсии – Монтеро де Линарес. У вас нет возражений, сеньора? Очень хорошо...

Какой печальный и душный вечер! Нечем дышать и нечем успокоить сердце. Как плохо, что именно сегодня Рикардо должен быть во Французском ресторане, давать вместе с Рохелио обед этому их американскому денежному мешку, мужской представительский обед, да и если бы должна была она на нем присутствовать, то, конечно же, отказалась бы. Когда угодно, только не сегодня! Напряженная репетиция утром, днем горькое посещение дома скорби, а потом еще тревожащий разговор в госпитальной беседке. Нет, физически она не устала,

но душа ее не на месте. Что-то происходит, творится что-то нехорошее вокруг их семьи, да и у них с Рикардо не все гладко.

Роза поставила кассету с записью утренней репетиции: может быть, работа отвлекает ее от тяжелых мыслей? Зазвучал ее голос, первой шла, песенка про то, что люди кажутся деревьям нелепыми смешными существами – человечки все время бегают и суетятся вместо того, чтобы стоять, смотреть в небо и зеленеть. Да... припев надо попробовать сделать еще задумчивее и так будто он идет откуда-то сверху... Но с этой ли вещи надо начинать концерт? Святая Дева, неужели уже через два дня она будет петь в Большом зале? И как примет ее богатая публика?... А кто все-таки стоит за той статьей в «Эль соль де Мехико»? Кто заказчик, кто злейший враг ее? А что если он (или они) попробует сорвать ее первое большое выступление?..

Вопросы, сплошные вопросы в ее жизни, и ни на один она не может ответить. Впрочем, не совсем так. Что происходит с Рикардо, что творится с Рохелио она, пожалуй, понимает. Рохелио грызет чувство вины, он изменял Линде все эти месяцы, когда она ждет ребенка. Боже мой, а что же будет с этим еще не родившимся младенцем, да и суждено ли ему вообще появиться на свет? И неужели Рохелио и сейчас, после всего того, что случилось, не порвал со своей фотомodelью? Да он должен сейчас не отходить от постели жены!.. А Рикардо? Должен же он понимать как волнуется она перед предстоящими концертами, как важны они в ее жизни! Неужели он считает, что она – в такой момент, может интересоваться еще чем-то и кем-то? Да и разве не глупо, в конце концов, ревновать к Эрнесто именно сейчас, ведь если бы она испытывала к Рохасу не только дружеские чувства, то вполне могла была выйти за него замуж еще пять лет назад, тогда ведь они были с Рикардо на грани разрыва, его адвокат уже подготовил документ к разводу. А ведь он ревнует, ревнует ужасно! Она это особенно сильно почувствовала сегодня; когда шла из розовой беседки в голубую вместе с Эрнесто. Как смотрел на них Рикардо, сколько было в этом взгляде боли и еще чего-то, как у загнанного зверя! Этот взгляд, словно преследовал ее, и ничего, ничего не сумела прояснить для сыщиков Роза, она даже сосредоточиться на вопросах Рохаса не смогла!

О, Святая Дева Гваделупе, сделай так, чтобы Рикардо раз и навсегда перестал меня ревновать, раз и навсегда поверил, что я всегда, всегда и навсегда, как бы ни сложилась дальше наша жизнь, буду ему верна и не разделю ложа ни с одним другим мужчиной, каким бы он мне ни показался! Излечи его, дева, помоги ему, как ты помогла мне, помнишь, девчонкой я тоже была очень и горячо ревнива, а потом успокоилась!.. Нет, так нельзя, я должна сейчас думать только о работе. Все, слушаю кассету и ничего больше!

Уже стемнело, но Роза не стала зажигать лампу – так легче было сосредоточиться на музыке. Из магнитофона неслась одна из самых любимых ее песен, самых глубоких: о том, кто ненависть – самое ужасное, самое низкое чувство, что нельзя, опасно человеку ему поддаваться, ненависть хуже зависти и страшнее оспы и чумы, никого не надо ненавидеть, надо всегда прощать, даже тех прощать, кто и в самом деле виноват перед нами, кто ушел от нас, кто предал нашу любовь... Может быть, начать концерт с этой песни? А потом ею же и закончить? Пожалуй, это самое лучшее, что она сможет сделать.

Роза нажала на клавишу перемотки, а потом снова включила запись той же песни. И вот, чем дальше звучало заклинание против ненависти, тем ярче проступало перед внутренним взором Розы чье-то знакомое, давно не виданное и не вспоминаемое лицо. Сначала как слабое желтое пятнышко, потом как размытая фотография и, наконец, голографически выпукло, объемно явственно. Боже мой! Дульсина Линарес! Неужели уже и мертвые стали посещать ее? Уйди, ненавистница! Прочь, разрушительница!..

Песня о бесплодности ненависти закончилась, зазвучала другая, веселая, простоватая. Дульсина Линарес стала тускнеть, блекнуть, образ ее исчез из внутреннего взора Розы, но сознание ее уже заработало в определенном направлении. Если бы Роза сама не была на похоронах на Испанском кладбище, она бы, не раздумывая, сказала кому угодно, что именно

эта женщина может быть повинна во всех последних смертях и несчастьях. Дульсина люто и слепо ненавидела всех, кто держал в объятиях ее единственную в жизни живую страсть – лиценциата Федерико Роблеса. Она же терпеть не могла Эрлинду. Презирала всех, кто хорошо относился и Розе, хотела убить саму Розу, раз не удалось разлучить ее с Рикардо иным образом. Если представить себе, что Дульсина каким-то чудом жива, то все им, а ей в первую очередь, ждать новых и новых бед. Но кого же тогда хоронили? А разве кто-то вскрывал гроб? И на что там было смотреть? На обгорелые кости? А кости-то у всех похожи... Нет, пусть она даже сошла с ума, но она выскажет эту свою сумасшедшую догадку еще кому-нибудь, иначе ей просто не отойти от этих мыслей, от изуродованного кислотой злого лица Дульсины перед ее внутренним взором!..

Роза достала записную книжку и набрала номер Эрнесто. Подошла его мать, сказала, что сеньора Рохаса пока нет дома, спросила, что ему передать. Роза заколебалась, но потом решила, что сообщать об ее звонке не стоит: вдруг Эрнесто перезвонит ей тогда, когда Рикардо уже будет дома, ни к чему это сейчас! «Нет, сеньора, спасибо, ничего передавать не надо, я свяжусь с ним попозже...» Что ж, вот домашний телефон лейтенанта Фабины...

Полицейский оказался на месте и сам снял трубку.

– Ну, что ты думаешь об этом? – спросил Рикардо брата. Они только что проводили господина Дэвида Кренкорда до лифта отеля «Мехико-Хилтон» и зашли тут же в полупустой бар выпить кофе и поговорить.

– Субъект верткий этот янки, но хваткий. Я понимаю, что тебя беспокоит. Да, дело это немного пахнет, но все-таки, на бумаге, будет в рамках закона. Правительственный чиновник, подручный Кренкорда, крепко нагреет руки на наших денежках и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.